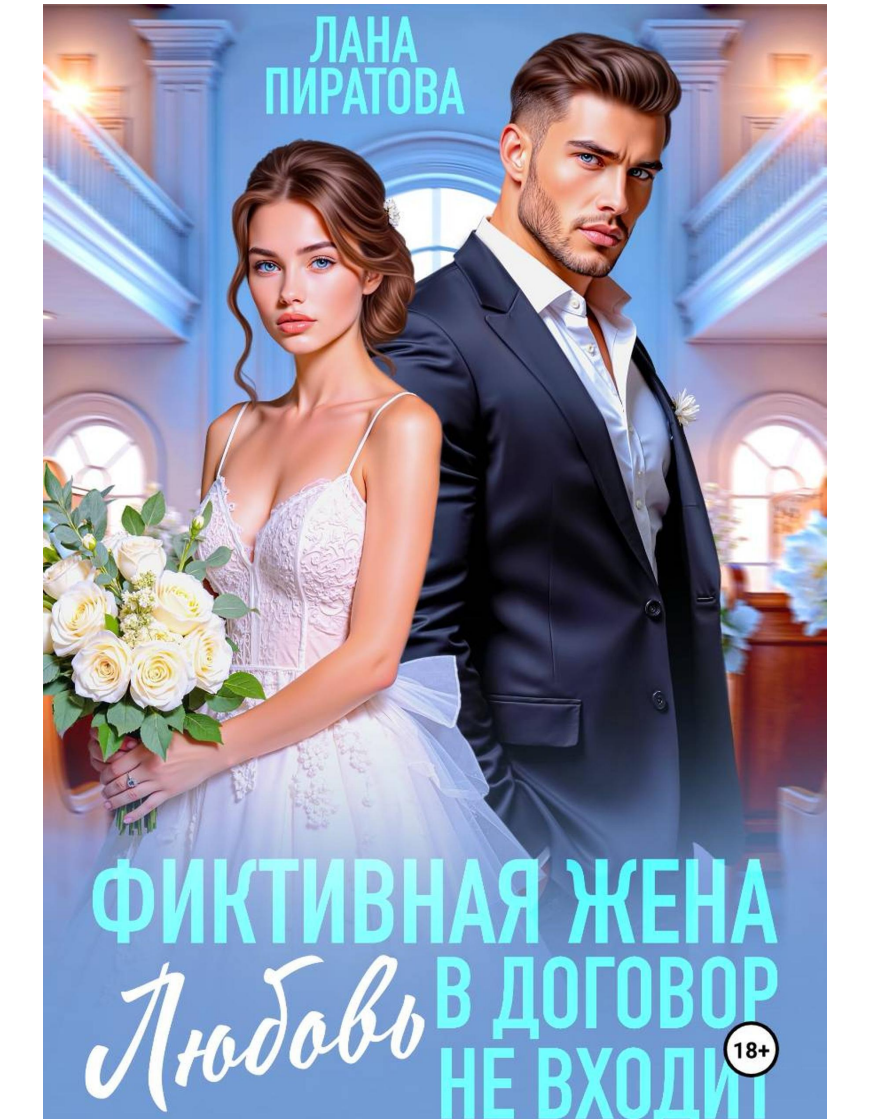

A man and a woman are posed in a grand, brightly lit hall with blue and white architectural details. The woman, on the left, is wearing a white lace wedding dress and holding a large bouquet of white roses. The man, on the right, is wearing a dark blue suit over a white shirt. Both have light blue eyes and are looking towards the camera. The background features arched windows and ornate columns.

ЛАНА
ПИРАТОВА

ФИКТИВНАЯ ЖЕНА
Любовь В ДОГОВОР
НЕ ВХОДИТ

18+

Лана Пиратова

Фиктивная жена. Любовь в договор не входит

<https://litres.ru/74691738>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Быстро целуй меня! — Богдан прижимает меня к стене, опалая дыханием губы. — Живее! Тётка уже поднимается на лифте!

— Вы с ума сошли, Богдан Романович?! — упираюсь ладонями в его грудь и пугаюсь того, как бешено колотится его сердце. Или это моё? — Мы так не договаривались! Этого не было в договоре!

— Считаю, что я меняю условия в одностороннем порядке, — нагло усмехается он, облизывая свои губы и устремляя взгляд на мои.

Я вся сжимаюсь от страха и возмущения. Разве так можно?!

— Пора пересмотреть часть условий, — ещё тише произносит он. — Я передумал. Так что стой смирно, Канарейкина.

Выдыхает и впивается в мой рот, заставляя меня широко распахнуть глаза и возмущённо мычать в этот неожиданный поцелуй.

Простой договор. Простые условия. Сыграть роль жены для босса перед его родственниками. Взамен он поможет мне и решит мои проблемы.

Но когда фальшивый поцелуй внезапно превращается в настоящий пожар, мы оба понимаем, что наша игра зашла слишком далеко.

Содержание

Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Условие	12
Глава 3. Идеальная фальшивая невеста	17
Глава 4. Ничего сложного	22
Глава 5. Я вам нравлюсь?	29
Глава 6. Полное фиаско	34
Глава 7. Доктор Богдан	42
Глава 8. Я не буду с вами спать!	48
Глава 9. Идеальный момент	55
Глава 10. Предложение, от которого невозможно отказаться	64
Глава 11. Запрещённый приём	70
Глава 12. Условия Канарейкиной	77
Глава 13. Незванная гостья	85
Глава 14. Без вариантов	91
Глава 15. Молчать и улыбаться	98
Глава 16. Я всё поняла	107
Глава 17. Утренний визит	113
Глава 18. Глаз-алмаз	119
Глава 19. Приставучий фиктивный жених	127
Глава 20. Потребности	135
Глава 21. Договор	139
Глава 22. Женька	147

Глава 23. Спаситель	152
Глава 24. Соблазнитель	158
Глава 25. Я хочу тебя	166
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Лана Пиратова

Фиктивная жена. Любовь в договор не входит

Глава 1. Знакомство

— Кофе. Без сахара. И побыстрее, — бросаю секретарше, быстро проходя к себе в кабинет.

Включаю кондиционер на максимум и плюхаюсь в кресло.

— Да, Савелий, я же сказал, мне нужен этот контракт! Ну-жен! Понимаешь? Этот участок должен быть моим! — горячо заявляю я своему человеку в мэрии. — Ну и что, что конкуренты?! Что ты как в первый раз! Я за что тебе плачу?! Ты же у меня фактически на зарплате! Так что, Савелий, постарайся! Ага! Сделай всё возможное! И невозможное, кстати, тоже! Всё, давай, на связи!

Отключаюсь и отбрасываю телефон на стол. Откидываюсь на спинку кресла и прикрываю глаза.

Мне нужен этот участок. И я знаю, что он будет моим. Будет.

— Извините, ваш кофе, — короткий, тихий стук в дверь и в кабинет заходит какая-то девчонка.

Перевожу на неё хмурый взгляд.

— Вы кто? — спрашиваю прямо.

— Я? — поднимает на меня испуганный взгляд.

Что за курица?

— Ну, вы, конечно, — недовольно морщусь. — Кроме вас никого здесь нет.

— Я ваша новая секретарша, — наконец, проясняет она. Ну, хоть что-то.

Хм.

Моя новая секретарша.

Мда.

Уже внимательнее осматриваю девчонку.

Мешковатый брючный костюм серого цвета. Какой-то пучок на голове.

— А кто же вас назначил ко мне? — хмыкаю, расслабившись и не без удовольствия замечая, как девчонка краснеет и от моего взгляда, и от моих вопросов.

— Я... — начинает, вроде, она, но тут дверь в мой кабинет распахивается и заходит Стас, который прерывает этот наш интересный диалог.

— Нет, ну ты слышал?! Что творится, мать твою?! С каких пор конкурсы по участкам выигрывают какие-то шарашкины конторы?! — Стас с ходу швыряет на мой стол пухлую папку с документами, едва не опрокинув многострадальный кофе.

Моя новая секретарша от его зычного голоса вздрагивает и делает шаг назад.

— Свободна, — бросаю ей, даже не глядя.

Она дважды кивает, чуть ли не пятась до самой двери, и со скоростью пули выскакивает в приемную, плотно прикрыв за собой дверь. Мда. И где отдел кадров выкапывает этих пугливых мышей?

— Так, стоп. Какая ещё контора? — придвигаю папку к себе. — Савелий только что клялся, что в мэрии всё под контролем.

— Савелий этот! Прохлопал всё! — Стас падает в кресло напротив. — Нарисовался какой-то благотворительный фонд содействия фермерству. Зарегистрирован месяц назад. И знаешь, кто за ними стоит? «Орион Групп». Те самые бандиты в чистеньких костюмах, которые в прошлом месяце поджали под себя южный порт.

Я открываю папку. На первой же странице — спутниковый снимок моего участка. Тот самый идеальный пустырь, на который я потратил полгода жизни, выбивая разрешения. И поверх него — жирный штамп о приостановке торгов для пересмотра условий.

Да что за...

«Орион Групп»? Эти отморозки решили поиграть на моём поле. Кто же за ними стоит? Надо напрячь службу безопасности. Пора разобраться с этим дерьмом.

Нахмурившись, просматриваю документы, как вдруг за дверью раздаётся какой-то шум.

Судя по звуку, моя новая секретарша умудрилась что-то уронить.

Мы со Стасом переводим взгляды на дверь.

Встаю и иду в приёмную.

Распахиваю дверь и на секунду зависаю.

Моя новая секретарша стоит на четвереньках под своим столом, открывая моему взору только свою пятую точку.

Хм.

Серый пиджак задрался, брюки так обтянули девичьи бёдра, что мой взгляд сам фокусируется совсем не там, где положено приличному руководителю.

Я даже голову чуть наклоняю набок, чтобы получше рассмотреть внезапно нарисовавшийся довольно удачный вид.

За спиной раздаётся тихий смешок. Оборачиваюсь.

Стас стоит в дверях моего кабинета, засунув руки в карманы брюк, и смотрит туда же! Он смотрит на задницу моей секретарши и тихо присвистывает.

И вот это почему-то бесит меня куда сильнее, чем сорванный тендер, Савелий и «Орион Групп» вместе взятые.

— Кхм-кхм! — специально громко кашляю. — Что тут происходит?

Секретарша вздрагивает всем телом и с глухим стуком прикладывается затылком о столешницу.

— Ой! — пищит она и, наконец, выбирается из-под стола.

Встаёт и испуганно смотрит на нас со Стасом.

На раскрасневшееся лицо падают пряди волос, выбившиеся из пучка.

В руках она держит тонкий чёрный провод.

— У вас система видеоконференций не включалась, — выпаливает девчонка, прижимая провод к груди, словно добыла его в бою. — А через семь минут звонок с мэрией. Я подумала, если вы опять будете кричать в телефон, то лучше пусть вас хотя бы будет видно в хорошем качестве.

Я молчу.

Стас тоже молчит, но по его лицу вижу плохо скрываемый интерес к моей новой секретарше.

— Чёрт, — хмурюсь я. — Я и забыл про звонок!

— Как хорошо иметь такого секретаря! — восклицает Стас. — Всё помнит. И починить может! — смеётся, кивая на провод в руках девчонки. — Не одолжишь мне?

— Чего? — строго смотрю на него.

— Не чего, Богдан, а кого! Секретаршу свою! А то моя в декретный ушла и я как без рук!

— Не мели чепуху, — бурчу я, глядя на часы на запястье. — Чёрт! Звонок этот ещё! Хорошо, как вас там..., соединяйте.

Даже не знаю, как зовут мою секретаршу! Надо будет спросить, что ли.

— Стас, — зову приятеля. — Пойдём.

Он зачем-то улыбается девчонке и мы возвращаемся в кабинет.

— Как зовут? — спрашивает Стас, как только за нами закрывается дверь.

— Кого? — хмуро смотрю на него, садясь снова в кресло.

— Секретаршу твою новую, — и смотрит на дверь. — Сколько ей? Давно у тебя работает?

— Не знаю, — бурчу, ища в папке нужные для разговора документы. — Какая разница? Что ты прицепился к ней?

— А ты что же так реагируешь? — усмехается он. — Себе заприметил?

— Тьфу! Ты что несёшь? — я уже откровенно злюсь.

— Ладно, молчу! — по-дружески улыбается Стас. — Вижу, напугали мы девчонку! Ахаха! Шучу же, ну. Не твоего уровня.

Вот именно, Стас. Не моего уровня девочка. Хотя задница у неё очень даже ничего.

Глава 2. Условие

— Богдаша! Богдаша! У тебя телефон звонит! — из приятной неги сна меня выдёргивает писклявый голос Стеллы.

Нехотя открываю глаза.

— Богдаша! Ты меня слышишь? — Стелла наклоняется ко мне и хочет поцеловать.

И тут до моего слуха и правда доносится трель телефона. Кто там в такую рань?

Недовольно морщась, сажусь на кровати и потираю затылок. Беру телефон.

На экране высвечивается номер, от взгляда на который я окончательно просыпаюсь и сажусь на кровати.

Виолетта.

Моя двоюродная тётка по отцу. Эксцентричная особа, безвылазно живущая на одной из своих вилл где-то на юге Европы и коллекционирующая антиквариат.

Но это не главное. Главное, что Виолетта (и именно так она требует её называть) реальная владелица восьмидесяти процентов активов «Рад-Инвеста», которым я так гордо руковожу. Ну, то есть, по сути, я всего лишь генеральный директор и представитель моей тётушки здесь, на Родине.

— Привет, Богдаша, — раздаётся в трубке её чуть хрипловатый голос, в котором, несмотря на почтенный возраст, до сих пор звенят стальные нотки. — Не разбудила? У вас

там, кажется, начало десятого.

— Виолетта! Здравствуй! Нет, что ты, я уже на ногах давно, — вру я, аккуратно отодвигая от себя Стеллу, которая недовольно надувает губы и пытается лечь мне на плечо.

Жестом показываю ей, чтобы тихо сидела.

— Прекрасно. Кто рано встаёт — тому Бог подаёт, Богдаша, — шутит она. — Чтобы не отвлекать тебя от зарабатывания нам денег, перейду сразу к делу.

Я, честно говоря, напрягаюсь.

Виолетта всегда звонит внезапно, но обычно просто узнать, как моё здоровье и не нашёл ли я себе жену. О да, последний пункт её волнует особенно сильно.

Я обычно отшучиваюсь и мы прощаемся на весёлой ноте.

Однако сейчас она говорит о каком-то деле. И зная Виолетту...

— Мне надоела Европа, — немного капризно произносит тётка. — Здесь льют дожди. Да и дела компании, как я погляжу по отчётам, требуют моего личного присутствия. Этот ваш сорванный тендер из-за «Орион Групп»... В общем, я взяла билет. В субботу встречай меня, Богдаша!

Она заливисто смеётся, а у меня внутри всё холодеет. Виолетта летит сюда? Сама? Она не была в России последние лет пять! С какого перепуга ей вздумалось прилететь?!

— В субботу? Но... Виолетта, у меня тут всё под контролем. Тебе совершенно незачем лететь в такую даль...

— Я уже всё решила, Богдан, — отрезает она не терпящим

возражений тоном. — И, кстати, о главном. Птичка на хвосте принесла мне, что ты опять девочек обижаешь.

Сжимаю губы, примерно догадываясь, о чём, вернее, о ком идёт речь.

Вот стерва! Уже донесла!

— Виолетта, всё совсем не так, как тебе донесла твоя «птичка», — с ухмылкой отвечаю я.

— Богдан, ты бросил дочь Крюковых! Ты вообще понимаешь, чем это нам грозит? Девочка очень обижена. Я надеюсь, у тебя были серьёзные причины сделать это!

Да! У меня была серьёзная причина бросить дочку олигарха Крюкова! Она тупая как пробка! И заносчивая! Приставучая.

Ну, переспали пару раз после клуба. Это же ничего не значит! Я получил удовольствие. Она, между прочим, тоже.

Но на большее, чем переспать пару раз, она не годится. Скучно. Банально. И не очень приятно, кстати.

— Виолетта, мне кажется, ты преувеличиваешь. Не думаю, что дочка Крюкова прям уж так скорбит по нашему расставанию, — хмыкаю я, вспоминая, как отжигала эта девица на коленях нашего общего знакомого в клубе пару дней назад.

— Да плевать мне на неё! — прямо заявляет Виолетта. — Меня ты волнуешь! Мой родной племянник!

Ну, началось.

Морщусь недовольно.

— Моя «птичка» ещё кое-что на хвосте принесла, — уже ласковее произносит она.

Снова напрягаюсь. Что ещё-то?!

— Мне рассказали, что ты расстался с дочкой Крюкова, потому что у тебя есть невеста! — выдаёт тётя и я чуть на кровати не подпрыгиваю.

В горле моментально пересыхает. Да что за...

— Что же ты мне ничего не рассказал? — продолжает она.
— Сюрприз хотел сделать?

А я и ответить не знаю что!

Какая нахрен невеста?! Кто додумался ей такое ляпнуть?!

Стелла, услышав слово «невеста», вдруг оживляется, садится рядом и хлопает ресницами, преданно заглядывая мне в рот.

— Виолетта, тут какое-то недоразумение... — мягко начинаю я. — У меня... у меня сейчас вообще нет времени на личную жизнь, компания отнимает все силы...

— Богдан, не разочаровывай меня, — голос тёти мгновенно снова становится ледяным. — Мне седьмой десяток пошёл. Я хочу видеть, что передаю империю в руки солидного, семейного человека, который продолжит наш род, а не вечного холостяка, меняющего девиц как перчатки. Если ты до сих пор бегаешь от ответственности, значит, ты не дорос и до кресла генерального директора.

Что?!

Хмурюсь и встаю с кровати.

— Значит так, дорогой мой племянник, — продолжает она и я прямо физически чувствую, как захлопывается стальная ловушка. — Либо ты знакомишь меня со своей будущей женой и мы обсуждаем вашу помолвку, либо... Я аннулирую твоё право на наследство. А на твоё место директора поставлю твоего двоюродного брата Аркадия.

Что?! Аркашку?! Аркашку на кресло?! Да я!

— Так что, жду встречу с твоей невестой, Богдаша! — звучит как последний аккорд, а потом раздаются короткие гудки.

Глава 3. Идеальная фальшивая невеста

— Да она с ума сошла на своих виллах! — я меряю шагами собственный кабинет, едва не прожигая ковёр взглядом.

Стас сидит в кресле напротив, развалившись и крутя в руках ручку. На его лице играет откровенно издевательская ухмылка.

— Ну, а что ты хотел, Радов? Старушка хочет внуков, стабильности и солидного преемника. А ты у нас кто? Закоренелый холостяк, завсегдатай закрытых клубов. Вот она и решает прижать твои... — усмехается.

Я грозно зыркаю на него и он осекается. Продолжает уже без ухмылки:

— Твои активы к ногтю.

— Мне не нужна жена, Стас! — я резко разворачиваюсь к нему. — Понимаешь? Не нужна! Свадьба, кольца, общие завтраки, отчеты «ты где?» — это же добровольная каторга. Меня вполне устраивает моя жизнь закоренелого холостяка. И потом... жениться... это что же? Всю оставшуюся жизнь с одной?

Стас снова усмехается и пожимает плечами.

— Бред. Неужели кто-то сам, по доброй воле на такое соглашается? — недоумеваю я.

Замолкаю и подхожу к столу. Присаживаюсь на край и устремляю свой взгляд в окно.

Задала мне задачку тётушка! И главное — времени-то почти нет!

— Тогда у тебя один вариант, старик, — произносит Стас и я поворачиваюсь к нему. — Фиктивный брак.

Хмуюсь.

— Ну да, пусть юристы подготовят договор, — продолжает приятель.

Хм. А что? Мне нравится эта идея.

— Тут, конечно, основная сложность — это найти подходящую кандидатуру на роль твоей фиктивной жены, — размышляет вслух Стас.

И он прав. Где взять такую дурочку?

— Хотя... в чём проблема? — Стас пожимает плечами. — Возьми Стеллу. Она за шмотки из новой коллекции и кольцо с бриллиантом сыграет тебе хоть Джульетту, хоть мать-героиню. И придумывать ничего не надо, вы же вроде как вместе.

— Что значит «вместе»? — бурчу я, ослабляя галстук. — Трахаться — отнюдь не означает быть вместе.

— Это да, — соглашается Стас.

— Исключено, — отрезаю я, поморщившись. — Стелла дура. Она в первый же вечер проболтается подружкам в соцсетях, вывалит фото фальшивого кольца с подписью «мы счастливы», а на ужине с Виолеттой не сможет связать двух слов о благотворительности или искусстве. Тётка её заживо

сожрёт и даже не поперхнется. Мне нужна другая. Тихоня. Чтобы сидела, мило улыбалась, кивала и не отсвечивала. И главное — чтобы у неё не возникло иллюзий, что это по-настоящему.

В этот момент в дверь коротко, робко стучат.

Мы со Стасом одновременно замолкаем.

Дверь приоткрывается и в кабинет скользит моя новая секретарша. Сегодня на ней всё тот же серый, мешковатый брючный костюм, который сидит на ней так, словно она сняла его с чужого плеча. Волосы снова закручены в какой-то нелепый, тугой пучок на затылке, а на самом кончике носа смешно примостились очки в тонкой оправе. В руках она бережно несёт поднос с двумя чашками свежего кофе.

Девчонка двигается тихо, словно боится помешать нам. Ставит чашку перед Стасом, затем аккуратно пододвигает вторую ко мне, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Спасибо... э-э... — я запинаюсь, поймав себя на том, что так и не узнал её имя.

— Полина, — тихо подсказывает она. Щёки девчонки тут же заливают румянец.

Забавная.

— Да, Полина. Что там с отчётом по «Орион Групп»? Служба безопасности прислала данные? — спрашиваю я деловым, строгим тоном, опять про себя наслаждаясь тем, что ввожу девчонку в краску.

Давно я таких не встречал.

— Да, Богдан Романович, — она кивает, отчего пара прядей выбивается из её пучка. — Папка уже у меня. Я как раз заканчиваю сводную таблицу по их бенефициарам. Через полчаса будет готово.

Хм. А девчонка не глупа.

И тут только замечаю, как Стас активно подмигивает мне. Хмурюсь и непонимающе смотрю на него.

Что это с ним?

А он взглядом показывает мне на стоящую спиной к нему Полину и подмигивает с хитрой улыбкой.

— Хорошо. Свободны, — машу ей рукой.

Полина быстро кивает и пятится к выходу, чуть ли не задевая бедром угол стола.

Как только дверь за ней плотно закрывается, я оборачиваюсь к Стасу. Приятель сидит, вытаращив на меня глаза, а его лицо расплывается в улыбке.

— Ты чего дёргаешься, как припадочный? — нахмуриваюсь я, отхлебывая горячий кофе.

— Радов, ты слепой или притворяешься?! — Стас подаётся вперёд и усмехается. — Вот же она! Твоя идеальная фальшивая невеста!

Я едва не давлюсь кофе.

— Кто? Полина? Стас, ты перегрелся? Она же мышь серая! Девочка на побегушках!

— Именно! — Стас победоносно стучит ладонью по столу. — Сам подумай: тихоня, слова лишнего не скажет, в рот

тебе смотрит со страхом и благоговением. Денег у неё явно немного, судя по этому ужасному костюму, а значит контракт её заинтересует. И самое главное: Виолетта никогда в жизни не заподозрит, что ты нанял актрису. Твоя тётка решит, что у тебя наконец-то сменились ориентиры, и ты выбрал «приличную, скромную девушку для семьи», а не очередную модель из клуба. Это же гениально, Богдан!

Глава 4. Ничего сложного

Слова Стаса не выходят из головы. Он уже ушёл, а я сижу в кабинете и таращусь в окно.

«Приличная, скромная девушка для семьи». Да, тётя точно будет в восторге. Но, чёрт подери! Жениться на собственной секретарше?! Что за дешёвый водевиль?!

Тут как раз раздаётся стук в дверь.

— Войдите! — рявкаю я, даже не обернувшись.

— Богдан Романович, тут документы из мэрии привезли. Вы сегодня будете смотреть или на завтра оставить? — звучит уже знакомый мягкий голос моей секретарши.

Резко разворачиваюсь на кресле и вливаюсь в неё взглядом.

Что за дурацкий костюм?! Где она его нашла вообще? А волосы? Пучок этот непонятный. Не пробовала что-нибудь поинтереснее замутить? Интересно, у неё есть кто-нибудь? Ну, кто-то же её имеет? Хм. Тогда всё будет немного сложнее. Но всё равно решаемо.

И зачем-то вспоминаю её задницу, которую она мне так призывно продемонстрировала. Да, попка ничего. Интересно, а грудь у неё есть?

Блять, Богдан! Она будет фиктивной женой! Фиктивной! Какая разница, какая у неё жопа и грудь? Главное, чтобы перед тётей вела себя как надо!

— Богдан Романович, с вами всё в порядке? — по-видимому, все мои мысли легко читаются на моём лице. Или просто она устала ждать.

Я же завис, так и не ответив.

Чуть трясую головой, прогоняя глупые мысли. Тут надо действовать, а не размышлять! На кону слишком большой куш.

— Давайте сюда документы, — машу Полине и пытаюсь сделать серьёзное лицо.

Подходит тихо и протягивает мне папку. Не приближается, как будто боится.

Усмехаюсь про себя и открываю документы. Быстро просматриваю их.

— Подойдите, я покажу, что надо будет сделать, — зову её.

Делает ещё один шаг. Поднимаю на неё взгляд. Ну? Господи, реально мышь!

— Полина, какие-то проблемы? — спрашиваю строго. Быстро мотает головой.

— Тогда подойдите сюда, — делаю ударение на последнее слово и киваю на место рядом с собой.

Идёт.

То-то же. Привыкай, девочка, слушаться. Пригодится тебе теперь точно.

— Смотрите, Полина, — строго произношу я, выделяя карандашом нужные пункты в тексте. — Вот это надо будет

проработать и составить короткую справку. Информацию запросите в финотделе. А вот по этому пункту...

Несу деловую чушь, а сам понимаю, что невольно принимаюсь к новому для себя аромату. Это пахнет от неё. Да, от Полины.

Что это?

Что-то цитрусовое, с примесью горького шоколада. Необычно после приторно-сладких духов Стеллы.

— Вы с кем живёте? — резко меняю тему я и медленно поднимаю на неё взгляд.

Девчонка явно офигевает. Стоит рядом и таращится на меня. Хлопает глазами. Молчит.

— Вы слышали вопрос? — повторяю я.

— Слышала.

— Тогда почему не отвечаете?

— А что вы имеете в виду, Богдан Романович?

— Полин, вопрос максимально простой. С кем вы живёте? Ну, муж там, жених, парень? Есть мужчина у вас? — спрашиваю уже прямо.

Моргает опять и недовольно губки свои сжимает.

Обнимает себя руками и хмурится.

— А какое это имеет отношение к документам? — интересуется недовольно.

— Никакого, — прямо отвечаю я. — Просто я хочу знать, — усмехаюсь и откидываюсь на спинку кресла.

Нагло, ничуть не смущаясь, прохожусь по ней взглядом.

Нет, я, конечно, могу и сам узнать и с кем она живёт, и что ест на завтрак. И узнаю. Но именно сейчас мне нравится вводить её в краску и растерянность. Вон, как щёки полыхают!

Забавная, конечно. Полина. А лет ей сколько, интересно?

В общем, мне нужна полная информация по девочке Полине. У меня на неё большие планы.

— Это всё? Я могу идти? — сухо произносит она и даже задирает подбородок.

Не нравится ей.

Ты смотри-ка.

Снова скольжу взглядом по несуразной фигуре. Смотрю на неё так, что девчонка нервно одёргивает пиджак и поправляет воротник закрытой блузки.

Мышь.

— Пока всё, — с ухмылкой произношу я.

Для неё это сигнал к бегству. Она чуть ли не подпрыгивает с места и быстрым шагом идёт к двери. А я ещё раз мажу взглядом по её заднице. Правда сейчас вид не тот, конечно.

— Полина, — окликаю её, как только она хватается за ручку двери.

Замирает там и кажется, что даже не дышит.

— Задержитесь сегодня, — продолжаю я. — Надо будет кое-что подготовить.

— Хорошо, Богдан Романович, — кивает, не оборачиваясь.

Ещё секунда и девчонка пулей выскакивает из моего кабинета.

Кошки-мышки. Правда в нашем случае: кот и мышка.

Девчонка, похоже, не особо искушена. А ещё уверен, что я ей нравлюсь. Поэтому и краснеет и взгляд прячет.

Нет, ну, иначе и быть не может, конечно.

Потираю подбородок, разглядывая своё отражение в окне.

В общем, ничего сложного. Считай, что фиктивная жена уже у меня в кармане! Выкуси, Виолетта! Будет тебе жена!

Довольный таким лёгким и быстрым решением вопроса, снова откидываюсь на спинку кресла. И тут слышу голос Полины в коммутатор:

— Богдан Романович, к вам Стелла Юрьевна.

Стелла? Хм.

— Пусть зайдёт, — говорю я и убираю документы со стола.

Дверь открывается и в кабинет кошачьей походкой скользит Стелла. В максимально узком платье, с вырезом до сосков. Она идёт прямо ко мне.

Молча наблюдаю за ней.

— Привет, Богдаша, — ласково произносит она и садится на стол рядом со мной.

— Ты чего, Стелла? — усмехаюсь я. — Чего припёрлась? Надувает губки. Типа обиделась. Похер.

— Решила навестить тебя, — спустя пару секунд снова улыбается. — Порадовать. Приласкать... — и она кладёт ла-

донь мне на плечо и ведёт её вниз.

— Ты с дуба рухнула? — снимаю её ладонь с себя. — Я на работе! Нашла время и место!

Строго смотрю на неё.

— Ну, Богдаша... я соскучилась... ты утром так быстро ушёл... даже не приласкал меня...

— Не до ласк, Стелла, — усмехаюсь я. Смотрю на её обиженное лицо. — Ладно, не дуйся. Вечером заеду.

Сразу вспыхивает довольной. Бросается мне на шею и усаживается на колени. Начинает целовать. Позволяю ей.

— Извините! — слышу голос Полины и быстро выглядываю из-за Стеллы, отодвигая её.

Моя секретарша стоит в дверях и растерянно смотрит на нас.

— Тебя стучать не учили? — недовольно бросает ей Стелла. — Выйди!

— Я стучала! — не теряется Полина. — Богдан Романович, у вас на третьей линии Аркадий Ильич. Соединять? Или сказать, что вы заняты?

Страхиваю с себя ворчащую Стеллу и откашливаюсь.

— Соединяйте, Полина.

Она кивает и выходит.

— Фу! Что за мымра у тебя в секретарях? — фыркает Стелла. — Хамка!

— Стелла, до вечера! — осекаю её. — У меня звонок важный. Давай.

Шлёпаю по привычке по заднице и провожаю её взглядом.
Потом снимаю трубку.

Глава 5. Я вам нравлюсь?

Разговор с Аркашкой оставил неприятный осадок. Я знаю, что он давно мечтает занять моё кресло. Но Виолетта не настолько же глупа, чтобы передать руководство этому прохиндею! Хотя... моя эксцентричная тётя запросто может что-то такое устроить.

Я столько лет положил на развитие этой компании. И всего-то надо... жениться.

Так, ну, первоначальные сведения о Полине Канарейкиной я уже получил в кадрах.

Канарейкина. Фамилия такая.

Усмехаюсь, рассматривая фотографию Канарейкиной из личного дела.

Родителей нет. Это тоже плюс. Меньше проблем будет.

Живёт с младшим братом-студентом. Хотя и сама ещё учится. Только заочно. На последнем курсе. А брат, значит, на первом, очник.

Интересно. Как старшая сестра работает и обеспечивает семью? Хорошая девочка. Правильная.

Чёрт. Такая может и упереться. Надо найти её уязвимое место. Оно есть. У всех оно есть. И у такой правильной девочки тоже. Просто надо поискать. Даю задание службе безопасности.

А пока...

Перед приходом Виолетты надо многое сделать. Ещё и встречи назначены. Поэтому до конца рабочего дня я больше и не общаюсь с Полиной. Так, пару раз прохожу мимо её стола, когда возвращаюсь из переговорной в кабинет. Бро-саю на неё взгляд, а она сидит, уткнувшись в бумаги. Усерд-но работает. И словно не замечает моих взглядов. Или про-сто боится?

Потом долго сижу в кабинете за графиком. Смотрю на ча-сы, когда они показывают уже почти восемь часов. Охренеть.

Канарейкина, наверное, уже срулила. Чёрт, не домой же к ней ехать! Придётся на завтра разговор перенести, а у меня каждый день на вес золота.

Встаю и иду к двери и тут слышу тоненький голосок. Невольно прислушиваюсь.

— Нет, Эд, я не могу сегодня, — это Полина.

Хм, значит не ушла. Сидит и ждёт меня? С кем это она? С братом?

— Я помню, что обещала, Эд, но мне надо на работе за-держаться. Не надо заезжать, я сама доеду. Я просто не знаю, когда освобожусь.

Опять молчание. Видимо, какой-то Эд на том конце про-вода недоволен.

— Хорошо, я позвоню тебе. Да, пока.

И тут я толкаю дверь и выхожу в приёмную. Встаю, засу-нув руки в карманы брюк.

Канарейкина тут же вскидывает на меня испуганный

взгляд и моргает.

— Вы ещё не ушли? — спрашиваю я.

— Нет. Вы же сказали задержаться.

— Да-да. Что ж, похвально, Полина, похвально.

Смотрю на часы.

— Вы ужинали?

— Я? — таращится на меня.

Что за манера переспрашивать?! Еле сдерживаюсь, чтобы не сморщиться.

— Я не ужинал. Вы, я так полагаю, тоже. Поэтому приглашаю вас составить мне компанию, — вполне серьёзно произношу я. — Что скажете?

— Но вы сказали, что надо будет что-то приготовить. Вы не говорили, что мы поедем ужинать, — видимо, приходит в себя и чуть хмурится.

— Вот, в ресторане и обсудим, — киваю я. — Ну, пожалуйста, Полина. Я сегодня и без обеда, и без ужина. Упаду в голодный обморок, кто виноват будет? — и строго смотрю на неё.

Пожимает плечами.

— Вы, — продолжаю я. — Если вы сейчас заставите меня тут остаться и продолжать работать, то обморок мне обеспечен. Ну? Пойдёмте, пойдёмте, я знаю одно отличное место!

Подхожу к её столу и жду. И улыбаюсь самой своей милой улыбкой. Она всегда безотказно работает на девок. И Канарейкина не исключение.

Вижу, что смущается. Быстро кивает и закрывает ноутбук. Берёт сумку.

— Прошу, — рукой приглашаю её на выход.

Она идёт вперёд, я следом. Заодно ещё раз взглядом прошупываю её фигурку. Стройняшка. Талия такая. Шейка тонкая. Но, вот, с грудью непонятно.

Пока едем в лифте, я продолжаю рассматривать свою будущую жену. Она ещё, конечно, пока об этом не знает. Поэтому радуюсь этому факту в одиночестве.

— Вы какую кухню предпочитаете, Полина? — спрашиваю я, чтобы как-то разрядить напряжение, повисшее между нами.

— Нашу, — отвечает, поднимая на меня взгляд своих огромных глаз.

Ммм. А цвет-то какой у глаз... Миленькая. Только причесать бы её, приодеть...

Ничего, займёмся. Моя жена должна мне соответствовать. Даже если она фиктивная.

Выходим из здания и идём к моей машине.

— Прошу, Полина, — открываю ей дверцу и подаю руку.

Она вся чуть подбирается и садится. Без моей помощи. Усмехаюсь и тоже сажусь. Завожу мотор и выруливаю с парковки.

— Давно вы у нас работаете? — интересуюсь, хотя и так уже знаю, что недавно. Личное дело-то изучил. Но Канарейкиной об этом знать необязательно.

— Два месяца, — отвечает девчонка. — Я сначала в отделе маркетинга была. А потом сказали, что вам секретарь срочно нужен и, пока ищут, я буду исполнять обязанности.

Да, Полина, всё так. Судьба, не иначе.

— Нравится вам у нас? — говорю вслух.

— Очень. Это моё первое место работы. Мне очень у вас нравится. Коллектив хороший, интересно, — воодушевлённо и вполне искренне рассказывает девчонка.

— А я? — усмехаюсь, бросая на неё короткий взгляд.

Замолкает.

— Что «вы»? — спрашивает тише уже.

— Я нравлюсь?

И мне кажется, я даже ощущаю, как покрываются румянцем щёки Полины Канарейкиной. Усмехаюсь про себя. Девчонка. Молчит. Не знает, что ответить?

Мы как раз въезжаем на парковку моего любимого ресторана. Глушу мотор и поворачиваюсь к Полине.

— Молчите? Не нравлюсь значит? — выгибаю бровь.

— Нет, почему же... нравитесь... очень... ой, ну, не в том смысле, конечно... я хотела сказать... — лепечет девчонка, явно растерявшись.

— Что ж, Полина, предлагаю продолжить нашу занимательную беседу за столиком, — улыбаюсь ей и выхожу.

Глава 6. Полное фиаско

В ресторане в это время не так много народа. Тут, в принципе, редко когда бывает аншлаг. За это я и люблю это место. Цены здесь дают гарантию приватности.

Официант проводит нас к моему обычному столику. Я наблюдаю за Полиной. Напряжена. Пальцы крепко сжимают ручку сумки, взгляд в пол.

Стесняется. Очевидно, стесняется. Некомфортно ей.

И я почему-то ловлю себя на мысли, что наблюдаю за ней слишком внимательно. Не потому, что мне её жалко. Жалость — бесполезная эмоция. Просто интересно, как быстро эта правильная девочка перестанет изображать из себя неприступную и начнёт делать то, что от неё требуется.

Галантно отодвигаю ей стул. Жду пока она сядет и сажусь напротив.

— Расслабьтесь, Полина, — говорю я, принимая меню у официанта. — Вас никто здесь не съест.

Она поднимает на меня взгляд и тут же снова опускает его в меню. Глаза её заметно округляются.

— Я не буду ничего, — тихо произносит она.

— Почему?

— Я не очень голодна, Богдан Романович.

Врёт. Неумело. Упрямство на пустом месте. Забавно. И раздражает.

— Полина, — произношу спокойно, но так, чтобы спорить ей сразу расхотелось. — Вы будете ужинать.

— Здесь очень дорого, — почти шёпотом говорит она и тут же краснеет ещё сильнее, будто призналась в чём-то постыдном.

Да что ж за девочка такая? Не избалованная. Не требующая. Не пытающаяся заказать самое дорогое, чтобы показать, какая она вся из себя.

— Для меня — нет, — хмыкаю я. — И вы здесь со мной. Значит, этот вопрос закрыт.

Она поджимает губы. Не нравится ей моя формулировка. Ну и пусть. Не обязана любить мои решения, достаточно их выполнять.

Я поднимаю руку, подзывая официанта, и делаю заказ сам на свой выбор.

Официант приносит вино. Делаю ему знак, что я сам, и наливаю в бокал Канарейкиной.

— Я не буду, — упрямо говорит Полина.

— Один бокал, — отрезаю я. — Чтобы вы, наконец, перестали сидеть так, будто я вас на допрос привёз.

Она смотрит на меня уже не испуганно, а с явным неодобрением. О, вот это интереснее. В этой серой мыши всё-таки есть зубы. Просто прячет. Ничего. Я умею находить то, что люди прячут.

Полина не берёт бокал.

— Сколько вам лет? — спрашиваю я.

— Двадцать два.

— Учитесь?

— Заочно. Последний курс.

— С братом живёте?

Полина резко поднимает взгляд.

— Откуда вы знаете?

— Я много чего знаю.

Не лучший ответ. Понимаю это по тому, что она ещё больше хмурится.

— Богдан Романович, — она аккуратно отодвигает бокал в сторону. — Простите, но мне не очень нравится, когда меня расспрашивают о личном. Вы говорили, что мы обсудим работу.

Вот как. Значит, границы у девочки есть. Неожиданно. И, признаться, не совсем удобно для моих планов. Я привык, что люди вокруг меня быстро понимают правила игры. Канарейкина пока делает вид, что у неё есть выбор.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на неё. На этот упрямо сжатый рот, на тонкие пальцы, на глаза, в которых сейчас бушует ураган эмоций.

И вдруг понимаю, что не хочу сейчас выкладывать ей свой план с фиктивной невестой. Не потому, что совесть проснулась. Нет, конечно.

Просто момент неподходящий. Девчонка насторожена, как зверёк в капкане, а мне нужно, чтобы она сама шагнула туда, куда я скажу.

— На самом деле, Полина, — говорю я после паузы, — я просто хотел поужинать. С вами. Чтобы не одному.

И сам же удивляюсь, как спокойно это звучит. Почти честно. Почти.

— Тогда отвезите меня домой, пожалуйста.

Вот и поужинали.

— Хорошо, — киваю я.

Полина даже расслабляется немного от моего ответа.

— Поужинаем и я обязательно отвезу вас домой, — добавляю я и сажусь прямо, видя, что официант принёс мой заказ.

Сжимает недовольно губы.

— Приятного аппетита, Богдан Романович, — внезапно встаёт и отодвигает стул. — Я сама доберусь до дома.

Бросает на меня короткий ледяной взгляд и разворачивается.

Да, сука. Куда?

Любую другую я бы мысленно послал. Я не бегаю за девушками. В этом нет необходимости. Но сейчас, похоже, не тот случай!

Матерясь про себя и злясь ещё больше на Канарейкину, резко встаю и иду за ней следом.

— Полина! — беру её за локоть уже на выходе из ресторана. — Что вы делаете? Зачем сбегаете?

Дёргает руку в попытке освободиться, но я лишь крепче сжимаю тонкий локоть.

— Отпустите меня, Богдан Романович, — цедит сквозь зубы. — Я не играю в эти игры.

— Какие игры? — усмехаюсь я и веду её к машине. — Что вы там себе напридумали, Полина? Я не завожу служебные романы.

Хочется добавить: «особенно с такими, как вы», но я вовремя осекаюсь.

Спокойнее, Богдан, спокойнее.

Тут надо по-другому.

— Полин, — разворачиваю ей к себе уже возле машины. Складываю брови домиком и как можно искреннее смотрю на неё.

Хлопает глазками.

— Я не хотел обидеть вас. Правда. Просто надоело ужинать в одиночестве, — вздыхаю. — Ну? Все разногласия урегулировали?

Полина хмурится, но кивает.

— Тогда давайте я вас домой отвезу, — говорю чуть строже и открываю дверцу машины.

— А ваш ужин? Вы же... вы не съели ничего, — даже как будто волнуется.

— Домой закажу, — бросаю я и захлопываю дверцу.

Я везу её домой. Первая часть плана пошла по одному месту. Но будем считать, это разведкой.

Полина смотрит в окно, я — на дорогу, но краем глаза всё равно ловлю её профиль. Носик, линия подбородка, выбив-

шаяся из пучка прядь.

Припарковавшись у её дома, глушу мотор. Осматриваюсь.
— Спасибо, что подвезли, — говорит Полина. — И извините, что так вышло...

А потом тянется к ручке двери.

И тут я делаю то, чего делать не собирался. Кладу ладонь поверх её руки. Не прошу. Не спрашиваю. Просто останавливаю.

Пальчики под моей рукой дёргаются.

Девчонка испуганно таращится на меня своими нереальными глазами.

Что это?

Какой-то необъяснимый порыв. Абсолютно идиотский. Непрофессиональный. Ненужный.

Но я уже наклоняюсь к ней, смотрю на её лицо слишком близко, слишком внимательно. На глаза. На вздрагивающие ресницы. На губы.

Они у неё мягкие на вид. Розовые. Совсем не накрашенные. И от этого почему-то ещё притягательнее.

— Полина, — шепчу я непонятно зачем. Почти ласково.
— Не бойтесь.

Идиот. Но в башке бардак. Ни одной путной мысли не приходит.

Всё, что я хочу сейчас, — это попробовать её губы. Я хрен его знает, почему и для чего?! Бред же, ну! Бред!

Мне от неё нужно совсем другое!

Но разум оказывается слабее желания.

И я чуть прикрываю глаза и касаюсь её губ.

И как будто разряд проходит по губам и спускается вниз. Вдыхаю её аромат и хочу углубить этот внезапный поцелуй. Попробовать её хочу.

Тем более, что девчонка не сопротивляется. Замерла и только глазами хлопает. Офигела от счастья, похоже.

И я уже увереннее придвигаюсь ещё и кладу руку ей на ногу. Сжимаю, ощущая грубую ткань брюк.

Грудь!

Как вспышка в башке и я резко веду руку вверх. Накрываю ладонью и даже не верю.

Грудь у Канарейкиной не только есть, она, сука, ещё и аппетитная такая! Какой размер-то? Упругая и высокая. Как я люблю. И, чтобы убедиться, что не показалось, сжимаю пальцы.

— Сука, — хриплю ей в губы и собираюсь продолжить.

Но тут чувствую, как ладонь упирается уже в мою грудь и толкает меня.

И в следующую секунду что-то тяжёлое с глухим хлопком прилетает мне по лицу.

Сумка.

Острая боль вспыхивает под глазом и на скуле. Я прижимаю ладонь к горячей щеке и изумлённо смотрю на девчонку.

Она бледная. Испуганная. Дышит часто и громко, губы

дрожат, глаза блестят. Моргает быстро-быстро, будто сама не верит, что только что сделала.

Я хмурюсь, ещё не успев толком собрать мысли.

Это что за нахер сейчас было?!

И тут получаю ещё и пощёчину.

Звонкую и хлёсткую. И вторая скула, сука, вспыхивает.

Хватаюсь ладонями за обе щеки и задыхаюсь от ярости и офигевания.

Что, блять, происходит?!

Пока я перевариваю это унижительное завершение вечера, Полина дёргает ручку двери, выскакивает из машины и почти бегом исчезает в подъезде.

Глава 7. Доктор Богдан

— Ого! Это кто ж тебя так? Неужели Виолетта Аркадьевна раньше прилетела?! — ничуть не стесняясь, ржёт надо мной откровенно Стас, когда я встречаю его в своей приёмной.

Быстро зыркаю на место, где должна сидеть Канарейкина, но её нет. Куда-то вышла, похоже. Так даже лучше. Не то, что бы я чувствовал дискомфорт после вчерашнего, но...

— Заходи! — бросаю сухо приятелю и сам захожу в кабинет.

Сразу иду к бару и наливаю себе виски.

— Будешь? — спрашиваю у Стаса.

— С утра? Виски? Хм. Уволь. У меня в жизни не всё так плохо! Ахаха!

Опять бросаю на него гневный взгляд и делаю пару глотков. Однако становится только хуже. Как будто виски ещё больше распаляет мою злость.

Да, я зол. Я негодую! Всю ночь толком не спал!

Что за нахер ещё?! Пощёчина?! Мне?! И от кого?!

Да я...

— Богдан, слышишь меня? — Стас чуть толкает меня в плечо и я возвращаюсь в реальность.

Поворачиваюсь и хмуро смотрю на него.

— Кто это тебя? Подрался с кем? — и Стас кивает на сса-

дину на моей щеке от сумки Канарейкиной. — Или упал? — и он ухмыляется.

— Не поверишь, Стас, — ехидно улыбаюсь я. — Твоя протеже мне заехала. Сумкой. С бляшкой, сука.

— Моя протеже? Хм. Это кто же? — недоумевает Стас. Или издевается? — Людмила Георгиевна, что ли? А за что? Погоди, ну, ты не клеился к ней?! Если что, я осуждаю!

— Совсем спятил? — бурчу я. — Людмиле Георгиевне не сегодня, завтра на пенсию! Что ты несёшь?!

— Ну, а кто тогда? Вообще не понимаю, Богдан. У тебя с головой всё в порядке? Может... это... тебе ко врачу? — и внимательно так в глаза мне смотрит.

— Тьфу! — злюсь я и плюхаюсь в своё кресло. — Канарейкина эта! Заехала мне сумкой по физиономии! А потом ещё и пощёчину дала! Сука.

И я инстинктивно тру вторую щёку.

Стас пару секунд молчит.

— Не знаю, кто такая эта Канарейкина, но она дерзкая, конечно! — выдаёт, наконец.

Громко выдыхаю.

— Стас, Канарейкина — это Полина. Ну? Моя секретарша, мышь. Которую ты, — и тычу в него пальцем, — мне в жёны посоветовал. Ну, в фиктивные жёны. Для тётушки.

Стас опять зависает.

— Неужели ошибся? — хмурится он. — Да ладно. У меня глаз-алмаз! Отшила значит, да?

— Да, — бурчу себе под нос.

— Слушай, Богдан! Ну, сорри, что ли! Я же не знал, что она такая... А ты деньги предложил ей? Может, мало? Пожадничал? Не, ну, ладно там, отказаться, но по морде... то есть по лицу зачем бить? Что с бабами стало, а?

— Ну, я её поцеловал, — бубню, опустив взгляд в стакан с виски.

Тишина.

— И грудь проверил, — выдыхаю и допиваю.

И тут Стас взрывается таким громким смехом, что стены, наверное, трясутся.

— погоди! — держится он за живот. — Ахахаха! погоди! То есть ты что же? К ней полез по-настоящему?! Нафига, Богдан?! Грудь проверил?! Зачем?! Ахахаха! Ты напился, что ли?!

И он продолжает гоготать.

— Хорош ржать! — стучу кулаком по столу.

Стас успокаивается, но не сразу. Ещё долго усмехается.

— Что же произошло? — спрашивает, заметно пряча улыбку. — Расскажешь?

Я хмурюсь, вспоминая свой вчерашний позор перед другом.

После моего рассказа Стас какое-то время молчит.

— Хм, — вздыхает. — Это был очень странный поступок, Богдан.

— Да знаю я! — огрызаюсь.

— Всё, что от тебя требовалось, — предложить девчонке контракт. Рассказать, как здорово стать твоей фиктивной женой. Фиктивной! А ты... поцелуй эти... грудь... хм, как, кстати, проверка прошла? — усмехается.

Вместо ответа просто зыркаю на него.

Грудь Канарейкиной мне определённо понравилась и я был бы не против её ещё помять. Но... для меня важнее бизнес.

— Жаль, — вздыхает Стас и я вопросительно смотрю на него. — Жаль, что такую кандидатку спугнул! Теперь новые поиски начинать! И времени-то и не осталось...

— Не надо новых поисков, — решительно отрезаю я.

— Хм?

— Я женюсь на Канарейкиной.

— Ты так в этом уверен? — ухмыляется Стас. — Я уже что-то... как-то...

— Уверен, — серьёзно отвечаю. — Канарейкина будет моей женой. Я докажу этой стерве, что со мной спорить нельзя.

— Ты меня пугаешь сейчас, Богдан. В тебе как будто злость говорит. А она... ну, плохой советчик... Может, ну её? Оставить девчонку? Другую найдём!

— Ты, что ли, сомневаешься во мне? — шуюсь я. — Думаешь, не сломаю?

— Воу-воу! Полегче!

— На спор давай! — горячусь я. Сам не понимаю, почему

завожусь так. Но теперь это реально дело принципа!

— Не, спорить на девку я не буду, — отмахивается Стас.
— Я помогу тебе просто. Ты же друг мне.

Усмехаюсь, выстраивая в голове уже план.

— А где, кстати, она? Канарейкина эта? — интересуется Стас. — В приёмной нет.

Набираю коммутатор и жду ответа от Полины. Но слышу только гудки.

Не пришла ещё? Странно.

А тут как раз звонят из кадров.

— Богдан Романович, доброе утро! Я по поводу Полины, вашей новой секретарши. Её сегодня не будет. Заболела она. Я к вам сейчас кого-нибудь пришлю.

— В смысле «заболела»? Чем? — хмурюсь я.

— Не знаю, я не уточняла. Спросить?

Чуть не рявкаю, что «сам спрошу», но вовремя спохватываюсь. Просто вешаю трубку.

— Заболела? — проникновенно спрашивает Стас. — Что ты вчера натворил, Богдан? — улыбается. — Так напугал девчонку, что она, вон, заболела! Не узнаю тебя, брат! Ты же с девками только так! — и он щёлкает пальцами. — А тут какая-то девчонка... и ты... Короче! Я всё ещё предлагаю найти новую кандидатку! Что-то чувствую, что проблем не оберёшь ты с этой Канарейкиной! Ахах!

Ничего не отвечаю. Просто встаю.

— Ты куда? — тарашится на меня приятель.

— Поеду лечить, — усмехаюсь. — Раз из-за меня заболела, то лично поеду, вылечу.

— Богдан, наломаешь дров! Остынь! Пожалей девчонку-то! Ну, куда...

— Её пожалеть? — хмыкаю я. — А меня кто пожалеет? Тьфу. Нужна мне эта жалость! Бред несу!

— Всё, Стас, давай. Созвонимся вечером. Сам тут на переговорах! Меня сегодня не будет!

— Да ты чего?! А что я им скажу-то? Спросят же, где Богдан Романович сам? Ты же встречу назначал!

— Ну, скажи, что я тоже... заболел! — подмигиваю ему и иду на выход.

Глава 8. Я не буду с вами спать!

Так, ну, где живёт Канарейкина, я помню. Только что я ей скажу?

Девочка с характером оказалась. Дикарка.

Снова потираю пальцами ссадину на щеке и морщусь.

Заезжаю в салон и покупаю букет. Это сто процентов срабатывает.

Мне надо как-то её отношение к себе поменять. Иначе уверен, моё предложение о фиктивном браке будет, мягко говоря, отвергнуто.

До приезда тётки остаётся не так много времени. Искать кого-то нового? А где гарантия, что там будет легче? К тому же... должна мне теперь Канарейкина... ох, как должна.

Не привык я прощать такое.

Подъезжаю к её дому и паркуюсь. Беру букет и иду к подъезду. Позвонить ей? Не откроет ведь! Нахер мне такие трудности?

Тут замечаю, как к подъезду подходит пацан лет десяти. Собирается войти.

— Мальчик, ты в этом подъезде живёшь? — спрашиваю у него.

Он так с подозрением смотрит на меня.

— А вам зачем? Мне мама сказала, чужих в подъезд не впускать!

— А ты Полину Канарейкину знаешь?

Брови расходятся у пацана.

— Полинку? Из двадцатой квартиры? Знаю, конечно! — улыбается он. — Она меня всегда конфетами угощает! А прошлым летом даже кататься на скейте научила! Она классная! А вы к ней?

Пацан так откровенно зырит на мой дорогуший букет, а потом переводит взгляд на припаркованную у обочины машину. В его глазах читается неподдельное уважение.

— К ней, — киваю я, офигевая от нового имиджа Канарейкиной. Да она тут прямо авторитет во дворе. На скейте катается? Да ладно! — Откроешь дверь? Мне к ней по делу. Очень важному.

Мальчишка хмурится, взвешивая все «за» и «против», оценивая мою побитую физиономию, и наконец прикладывает магнитный ключ к панели домофона. Дверь со скрипом открывается.

— Ладно, проходите. Только если вы её обидите, я старшим пацанам из третьего подъезда скажу. Они вам у машины все колёса скрутят, ясно?

Угрозы от мелкого защитники — это как раз то, чего мне не хватало для полного счастья.

— Ясно, герой, — хмыкаю я. — Поможешь мне?

Опять хмурится.

— Сюрприз Полине хочу сделать, — объясняю я. — Давай ты ей в дверь позвонишь. Ну, чтобы она меня не сразу

увидела. Сюрприз, сам понимаешь. Не за бесплатно, конечно! — подмигиваю ему и достаю из кошелька купюру.

Вижу, как загораются глаза пацана. Кивает и мы идём к квартире Канарейкиной.

Я встаю чуть в сторону от глазка, а пацан звонит. Минута и замок дверной щёлкает. Я чуть толкаю пацана, показывая ему, что пора валить и оставить нас наедине. И он вприпрыжку несётся вниз.

Дверь открывается, но Полины не видно. Хм. Обманул пацан?

— Сёмка, заходи! — слышу звонкий голос откуда-то из квартиры. — Я сейчас выйду! Дверь захлопни!

Она. Полина. По голосу её узнаю.

Как и просит, захлопываю дверь и захожу в квартиру. Осматриваюсь.

Простенько. Очень простенько.

— Сёмка, ты чего пришёл? Опять ключи от квартиры забыл...

Оборачиваюсь и вижу девчонку с круглыми глазами. В коротком халате и с полотенцем на голове. Похоже, только после душа.

Она изумлённо таращится на меня, не веря, что я не сон.

— Вы... а Сёма где? — лепечет вначале.

Запахивает халат, когда замечает, что мой взгляд скользит вниз на её грудь.

— Что вы тут делаете?! — приходит в себя и чуть ли не

бьёт ножкой о пол. Задирает подбородок и хмурится. В глазах вспыхивает тот самый огонёк. — Как вы здесь оказались?!

— Вы впустили, — пожимаю плечами.

— Что вам надо?!

— Пришёл узнать, чем же заболела моя подчинённая, — усмехаюсь. — Может, помощь нужна...

— Ничего мне от вас не нужно! Уходите немедленно!

Чуть наклоняю голову набок и разглядываю девчонку. Забавная.

— Уходите! — щёки снова краснеют от моего взгляда. Но упрямыца сжимает кулаки и решительно идёт к двери.

Перехватываю её за запястье. Обмен взглядами. Ух, какой пожар полыхает в её глазах. За что же она меня так ненавидит?

— Я не уйду, Полина, — улыбаюсь уголком губ. — Успокойся, пожалуйста. Ничего плохого я тебе не сделаю. Я не за этим пришёл.

— А зачем?! — дёргает рукой.

— Это тебе, — второй рукой подаю ей букет.

Полина чуть приоткрывает ротик и удивлённо смотрит на цветы.

— Мне? Зачем?

— Ну, считай, что прощение прошу. За вчерашнее, — пожимаю плечами. — Полин, я правда не знаю, зачем я это сделал. Клянусь, — и мило складываю брови домиком.

Девочкам такое нравится. Но не Канарейкиной.

— Забирайте свой букет и уходите! — настаивает она.

— Не боишься, что уволю? — решаю резко сменить тактику. Достала.

— Я сама уволюсь, — парирует она. — Не собираюсь рабоботать с наглым и самовлюблённым индюком!

— Это ты про кого сейчас? — шурю я, наклоняясь к ней.

— Про вас!

Сучка.

Толкаю её легонько и она спиной прижимается к стене. Бросаю долбаный букет на тумбочку и встаю так близко к Полине, что кажется, слышу её дыхание. Нависаю над ней, сведя брови грозно на переносице.

— Послушай меня, Полина Канарейкина, тебе лучше выслушать меня, а не злить. Я же сказал, что вчера это было... ошибкой. Ясно? И это больше не повторится.

— Ясно. Это всё? Теперь вы можете уйти из моей квартиры? — упрямо смотрит мне в глаза.

— Мы не договорили. Я пришёл кое-что обсудить с тобой.

— Со мной? — хлоп-хлоп глазками.

— Я хочу предложить тебе кое-что, Полина, — чуть улыбаюсь. — И уверен, тебе это понравится.

— Я не буду с вами спать! — вспыхивает она тут же.

Тьфу, дура.

— Отлично, — говорю вслух. — Это значительно всё

упрощает.

Хмурится и непонимающе смотрит на меня.

— Я хочу предложить тебе... — но договорить не успеваю, потому что слух разрывает громкий сигнал телефона.

Девчонка толкает меня в грудь и я выпускаю её. Она скрывается в комнате и я слышу оттуда её встревоженный голос:

— Женька! Ты куда пропал?! Что?! Но как?! Женька! Всё! Сиди там, я еду! Смирно сиди!

Женька ещё какая-то! Как не вовремя!

Потом до меня доносится шебуршание, шаги и девчонка появляется уже в майке и шортах. С мокрыми волосами.

— Мне идти надо, — говорит сухо, не глядя мне в глаза и складывая в сумочку телефон и кошелёк.

— Полин, что-то случилось? — беру её за руку.

— Отпустите меня, пожалуйста. Мне срочно надо ехать, — смотрит с какой-то мольбой мне в глаза.

И этот её взгляд действует сильнее слов.

— Поехали, — бросаю ей и тяну её за руку из квартиры.

— Что? Куда... — лепечет она.

— Тебе над срочно ехать. Я на машине. Поехали, отвезу тебя.

— Не надо. Я такси... я...

— Полин, — резко останавливаюсь и разворачиваюсь. И девчонка не успевает затормозить и чуть ли не впечатывается мне в грудь. Но вовремя выставляет перед собой руки. — Тебе же срочно надо. Такси придётся ждать. Я всё равно на

машине. И к тому же... мы не договорили. Поэтому поехали!
Тяну её из квартиры и захлопываю дверь.

Глава 9. Идеальный момент

— Куда едем? — спрашиваю уже в машине.

— В полицию, — шепчет дрожащими губами и опускает взгляд на свои ладони, зажатые между коленками.

— Куда? — переспрашиваю, не веря.

— Мне надо в полицию. Женьку забрать... — и всхлипывает, что ли?

— А у неё родителей нет? Или мужа? Почему ты должна её забирать? — хмурюсь я, заводя машину.

— Это не она. Это он. Это мой брат. Женька.

Опа. Младший брат значит. Ну точно! Евгений! Как я сразу не понял-то! «Женька» эта смутила!

Хм. Становится всё интереснее.

Выезжаю со двора.

— Адрес? Какое отделение-то? — говорю, глядя на дорогу.

Называет адрес.

Едем молча.

— Что он сделал? — спрашиваю, сворачивая на проспект.

Полина вздрагивает, будто я крикнул.

— Не знаю, — шепчет. — Он сказал, что ничего не сделал. Что его просто задержали вместе с ребятами. Там какая-то драка была возле общаги... или магазина... я не поняла. Он говорил быстро. Я... я ничего не поняла.

Драка возле общаги. Прекрасно.

Младший брат Канарейкиной, значит, не просто студент-очкарик, которому старшая сестра кашу варит. Есть у мальчика приключения. Мне это на руку.

— Он один у тебя? — уточняю.

— Да, — кивает она и тут же мотает головой. — То есть... брат один. Больше никого нет.

Одна. Совсем одна. С братом-оболтусом на шее. Работает, учится, краснеет от цен в ресторане и при этом способна приложить меня сумкой так, что до сих пор скула ноет.

Мда. Загадка.

У отделения Полина вылетает из машины раньше, чем я успеваю заглушить мотор.

— Полина! — окликаю, но она уже дёргает тяжёлую дверь.

Матерюсь про себя и иду следом.

Внутри пахнет дешёвым кофе и старой краской. На лавке сидит какая-то женщина с опухшим лицом, у стены — двое парней в спортивных куртках. За стеклом дежурной части лениво разговаривает полицейский.

Полина подбегает к окошку.

— Канарейкин Евгений! Его сюда привезли! Я сестра! Мне звонили! Где он?

Дежурный нехотя поднимает глаза. Смотрит на неё, потом на меня. На мне задерживается дольше. Видимо, дорогой костюм в этом унылом интерьере выглядит как инород-

ное тело.

— За решёткой ваш Канарейкин, — бурчит он. — Ждите.

— Как за решёткой? — Полина бледнеет ещё сильнее.

— Как обычно, — равнодушно отвечает дежурный. —

Проходите туда. Только без истерик.

Без истерик не получается.

Едва мы проходим в коридор, Полина срывается с места и бросается к небольшой камере в конце. За металлической решёткой на лавке сидит парень лет восемнадцати-девятнадцати. Худой, растрёпанный, с разбитой губой и синяком под глазом.

— Женька! — Полина хватается пальцами за прутья. —

Господи, что с тобой?!

Парень вскакивает. В глазах сначала облегчение, потом стыд. Потом замечает меня за её спиной и сразу хмурится.

— Поль, прости, — быстро говорит он. — Только не плачь. Это ошибка, слышишь? Просто ошибка. Я вообще ни при чём.

Врёт.

Я это вижу сразу. По глазам вижу. По тому, как он не смотрит на сестру дольше двух секунд. По тому, как плечи напряжены. По тому, как слишком быстро говорит.

— Какая ошибка? — голос Полины срывается. — Жень, ты дрался? Тебя били? Ты кого-то ударил?

— Да нет же! — он раздражённо проводит рукой по волосам. — Я просто рядом был. Ребята сцепились с какими-то

типами, я полез разнимать, а эти... ну, они всех забрали. Поль, честно, я ничего не сделал.

— А губа?

— Упал.

Ну, конечно. На кулак, видимо.

— Что же натворил, Женька! Как же теперь! А институт?!

Ты думал вообще головой?! — злится Полина.

Ууууу. А тут есть, где развернутся, похоже...

— Кто ведёт дело? — спрашиваю у проходящего мимо полицейского.

Тот оглядывается на меня.

— А вы кто?

— Человек, который хочет решить вопрос быстро, — спокойно отвечаю.

Полицейский смотрит внимательнее. Потом кивает куда-то в конец коридора.

— Кабинет семнадцать. Следователь Серов.

— Я сейчас, — бросаю Полине.

Она даже не поворачивается.

Серов оказывается сухим мужиком лет сорока пяти, с усталым лицом и взглядом человека, который давно никому не верит. На столе перед ним лежит папка.

— По Канарейкину, — говорю, закрывая за собой дверь.

Серов поднимает глаза.

— Родственник?

— Почти, — отвечаю и без приглашения сажусь напротив.

— Что у него?

Следователь прищуривается. Видимо, пытается решить, послать меня сразу или сначала послушать.

— Мелкое хулиганство, сопротивление сотруднику при задержании, повреждение чужого имущества, — перечисляет он, постукивая пальцем по папке. — Компания студентов устроила драку возле круглосуточного магазина. Разбили витрину, перевернули стойку с товаром, один охранник с рассечением брови. Ваш Канарейкин, судя по видео, не просто рядом стоял.

Так. Уже веселее.

— Насколько всё плохо?

— Административный арест до пятнадцати суток вполне светит. Плюс материалы уйдут в институт. А там у них строгий порядок. Дисциплинарная комиссия, отчисление. Особенно если охранник заявление не заберёт.

Мысль возникает сама собой.

— Что нужно, чтобы он сегодня вышел?

Серов молчит. Смотрит на меня долго, изучающе.

— Возместить ущерб магазину, договориться с охранником, чтобы написал, что претензий не имеет. Парень признаёт вину, приносит извинения. Я оформляю без ареста. Штраф. Но быстро это не делается.

— Делается, — говорю я, глядя на него так, чтобы мы поняли друг друга.

Через полчаса всё действительно решается. Охранник

внезапно вспоминает, что серьёзных претензий к Канарейкину не имеет. Серов оформляет бумаги с таким видом, будто оказывает мне личное одолжение, хотя все мы прекрасно понимаем, что каждый получил то, что хотел.

Я выхожу из кабинета и вижу Полину.

Она стоит у стены, обняв себя руками. Глаза красные, нос тоже. Плечи дрожат. Такая маленькая сейчас. Не мышь даже. Птица, которую кто-то слишком резко сжал в ладони.

В груди неприятно колет.

— Всё нормально, — говорю сухо, потому что мягко почему-то не получается. — Его сейчас выпустят.

Полина медленно поднимает на меня взгляд.

— Как? — шепчет.

— Я договорился.

Она открывает рот, но ничего не произносит.

— Не реви, Канарейкина, — бурчу я. — Тушь потечёт.

— У меня нет туши, — всхлипывает она.

Вот же.

Брата её выводят минут через пять. Полина бросается к нему и обнимает так, будто его с войны вернули.

— Поль, ну всё, — бормочет он, неловко глядя её по спине. — Не плачь. Я же сказал, ошибка.

— Ещё раз соврёшь ей, — произношу тихо, но так, чтобы услышал только он, — обратно зайдёшь уже надолго.

Парень резко поднимает на меня взгляд. В глазах — злость и страх. Неплохое сочетание. По крайней мере, понял.

— Спасибо, — выдавливают он.

— Потом спасибо скажешь. Дома.

Мы выходим втроём. На улице уже темнеет.

Полина садится рядом со мной, брат — назад.

В машине тихо. Только Полина иногда всхлипывает и пытается сделать это незаметно. Не выходит.

Я кошусь на неё. На мокрые ресницы, на дрожащие губы, на тонкие пальцы, которыми она сминает край шорт.

Потом перевожу взгляд в зеркало заднего вида.

Женя смотрит в окно, сжав челюсти. Наглый. Молодой. Глупый. И очень вовремя попавшийся.

Потому что теперь у меня есть рычаг.

Неприятная мысль. Но правильная.

Полина теперь не откажет. Не после того, как я вытащил её брата из клетки.

Я сворачиваю во двор её дома и паркуюсь почти у самого подъезда.

Сзади хлопает ремень безопасности.

— Спасибо, — хмуро бросает Женя.

Не благодарит даже толком. Скорее выплёвывает слово. Гордый?

Он открывает дверь и выходит первым.

Полина поворачивается ко мне. Глаза такие большие. Она пытается улыбнуться.

— Спасибо вам, — шепчет. — Правда. Я... я не знаю, что бы делала, если бы не вы...

Она быстро отворачивается и тянется к ручке двери.

Я перехватываю её за руку.

Пальцы холодные. Тонкие. Дрожат под моей ладонью.

Полина замирает и медленно смотрит на меня.

— Скажи брату, чтобы шёл домой, — произношу спокойно. — А нам с тобой надо поговорить.

— Сейчас? — растерянно моргает она.

— Именно сейчас.

Женя уже стоит у подъезда и оглядывается на нас. Хмурится. Конечно, хмурится. Не нравится ему, что сестра осталась в моей машине.

Полина осторожно высвобождает руку, приоткрывает дверь и высовывается наружу.

— Жень, иди домой, — говорит тихо. — Я сейчас поднимусь.

— Поль...

— Иди, — повторяет она уже твёрже. — Пожалуйста.

Брат бросает на меня тяжёлый взгляд. Такой, будто хочет сказать что-то резкое, но вовремя вспоминает решётку, разбитую губу и моё предупреждение в коридоре. Сжимает челюсть, разворачивается и скрывается в подъезде.

Полина закрывает дверь и остаётся сидеть рядом со мной. Слишком благодарная, чтобы спорить. Слишком растерянная, чтобы сбежать.

Идеальный момент.

Даже лучше, чем я мог придумать.

Вот сейчас и надо говорить. Не завтра. Не в офисе. Не за столом переговоров, где она снова нацепит свою упрямую броню и начнёт смотреть на меня так, будто я главный источник всех бед на земле.

Сейчас.

Пока она ещё помнит, как её брат сидел за решёткой. Пока помнит, как я вошёл в кабинет следователя и вышел оттуда с решением. Пока благодарность сильнее гордости.

Она ведь не откажет.

Не теперь.

Я спас её брата.

Значит, имею право попросить кое-что взамен.

Глава 10. Предложение, от которого невозможно отказаться

Смотрю на её профиль. На влажные после слёз ресницы. На маленькую родинку у виска, которую раньше не замечал. На тонкую шею, упрямо вытянутую, будто она из последних сил держит себя в руках, чтобы не сорваться.

И это раздражает. На меня реально за монстра считает?
— Полина, — произношу, наконец.

Поворачивается ко мне не сразу, будто боится услышать то, что я собираюсь сказать. Умная девочка. Чувствует опасность.

— Я скажу прямо, что мне от тебя нужно. У меня нет времени на долгие уговоры. — Твой брат влип серьёзно, — говорю спокойно. — Сегодня ему повезло. Ну, как повезло? — хмыкаю. — Мне пришлось вмешаться. Это стоило мне денег, а главное — времени.

Вижу, как благодарность в её глазах тут же смешивается с тревогой. Правильно. Пусть понимает, что чудеса не происходят сами по себе.

— Я знаю, — шепчет она. — Я понимаю. Я обязательно всё вам верну. Только не сразу. Я могу частями. С зарплаты. Или... я найду подработку. Правда.

Смотрю на неё и не сдерживаю усмешки.

Частями. С зарплаты. Найдёт подработку. Господи, какая же она наивная.

— Деньги мне от тебя не нужны.

Она моргает. Один раз. Второй. И в этом молчании я почти слышу, как у неё в голове складываются варианты. Один хуже другого. Реально за монстра меня держит.

— Тогда что? — спрашивает она осторожно.

— Мне нужна жена.

Полина застывает.

Прекрасно. Эффект именно тот, на который я рассчитывал.

— Простите... что? — выдыхает она.

— Жена, Полина. Не любовница. Не девушка. Не содержанка, если ты вдруг успела придумать себе очередную гадость обо мне. Жена. Фиктивная.

Она открывает рот. Закрывает. Смотрит на меня так, будто я только что предложил ей прыгнуть с крыши моего офиса и пообещал мягкую посадку.

— Вы издеваетесь?

— Я никогда не издеваюсь, когда речь идёт о контрактах.

— О контрактах? Вы сейчас серьёзно предлагаете мне... выйти за вас замуж?

— Фиктивно, — уточняю. — Ну, скажем, на год. Срок можем обсудить.

— Обсудить?! Богдан Романович, вы ненормальный?

— Возможно. Но ненормальные люди иногда очень хоро-

шо решают чужие проблемы. Ты сегодня в этом убедилась.

Она резко отворачивается к окну. Вижу, как ходят желваки на её лице. Вот оно. Злитесь. Уже не плачет. Уже собирается в кулак. И почему-то мне нравится это больше, чем её слёзы.

— Вы специально сейчас это говорите, да? — тихо спрашивает она. — Потому что я в долгу. Потому что мой брат...

— Твой брат снова может оказаться в неприятностях, — перебиваю. — Не сегодня, так завтра. Такие мальчишки редко умнеют после первого предупреждения. Ему нужен контроль. Тебе нужны деньги и защита. Мне нужна жена. Всё сходится.

Полина медленно поворачивается ко мне.

— Это шантаж.

— Это предложение.

— Нет, — сразу говорит она.

Слишком быстро. Слишком гордо. Даже не подумала.

Я усмехаюсь и откидываюсь на спинку сиденья.

— Ты даже условий не услышала.

— Мне достаточно самого предложения.

— А я всё равно озвучу. Ты сыграешь мою невесту, а потом жену перед моей тётёй. Никаких супружеских обязанностей. Отдельные спальни, отдельная жизнь, отдельные границы. Всё будет прописано юристами. За это я закрываю вопрос с долгами по твоему брату, оплачиваю ему адвоката на случай, если кто-то решит передумать, решаю вопрос с ин-

ститутом, повышаю тебе зарплату и оплачиваю последний курс.

Она бледнеет.

Вот теперь услышала.

— И всё? — спрашивает она подозрительно.

— Нет, конечно. Ещё ты перестанешь шарахаться от меня, как от маньяка, научишься не краснеть от каждого моего взгляда и будешь делать то, что я скажу, когда рядом моя тётя Виолетта.

— А вне Виолетты?

— Вне Виолетты можешь меня ненавидеть.

Замолкает. Обдумывает? Что ж, пусть пару минут пошевелит мозгами и поймёт, как же ей повезло.

— Почему именно я? — спрашивает она тише.

Потому что ты тихая. Потому что скромная. Потому что Виолетта поверит. Потому что у тебя нет родителей, которые полезут с вопросами. Потому что ты нуждаешься в деньгах. Потому что у меня нет времени искать другую.

Потому что после того дурацкого поцелуя я уже вторые сутки вспоминаю твои губы.

Сука, последнее лишнее. Что за бред, Богдан?! Соберись!

— Потому что тыходишь, — отвечаю вслух. — И потому что я уверен: ты не станешь устраивать цирк, если подпишешь договор.

— А если не подпишу?

Смотрю ей прямо в глаза.

— Тогда завтра ты выйдешь на работу. Будешь печатать письма, носить мне кофе, избегать моего взгляда и делать вид, что ничего не было. Твой брат сам будет разбираться с последствиями сегодняшней ночи. Институт, штрафы, охранник, магазин — всё это станет вашей семейной проблемой. Не моей.

Она резко втягивает воздух.

— Вы ужасный человек.

— Зато полезный.

Полина смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю злиться. Не на неё даже. На то, что мне вдруг становится важно, как именно она на меня смотрит. Не с благодарностью. Не со страхом. С разочарованием.

Как будто ожидала от меня чего-то лучшего.

Глупая.

От меня лучше не ждут. От меня получают результат.

— Мне нужно подумать, — наконец произносит она.

— До утра.

— Это слишком мало.

— У меня нет времени.

— А если я соглашусь... — она запинаяется. — Вы больше не будете...

Не договаривает, но я понимаю. Поцелуй. Руки. Машина у её дома. Моё идиотское поведение, из-за которого я получил сумкой по лицу.

— Не буду, — говорю жёстко. — В договоре будет пункт

о личных границах. Можешь не волноваться на этот счёт, Полина. У меня нет проблем с этим, — хмыкаю.

Полина чуть хмурится.

— Я подумаю, — повторяет она и выходит из машины.

Я остаюсь сидеть за рулём, провожая её взглядом до самого подъезда. Она не оборачивается. Ни разу. Заходит внутрь и исчезает за тяжёлой дверью.

Только тогда я выдыхаю и запускаю двигатель.

Сделка почти заключена.

Телефон вибрирует в кармане. Стас.

— Ну что, доктор Богдан, вылечил? — ржёт он сразу, едва я принимаю вызов.

— А ты во мне сомневался? — усмехаюсь и трогаюсь с места.

Глава 11. Запрещённый приём

Ночь проходит паршиво.

Я лежу в темноте, смотрю в потолок и вместо того, чтобы наконец-то вырубиться, снова и снова прокручиваю в голове разговор с Канарейкиной.

«Мне нужно подумать».

Вот же упрямая девчонка. Нормальная на её месте уже вцепилась бы в моё предложение обеими руками. Деньги, защита, институт для брата, решение всех проблем одним росчерком пера. Что ещё надо?

Но Полина, конечно, должна подумать. Должна посмотреть на меня своими огромными глазами так, будто я не сделку предлагаю, а душу у неё покупаю.

И ведь самое мерзкое — я помню эти глаза.

Закрываю свои — и вижу её. Вижу губы. Розовые, мягкие на вид, дрожащие то от обиды, то от ярости. Зачем я вообще их вспоминаю? Зачем вспоминаю, как они поддались мне на секунду в машине? Как она замерла, прежде чем ударить?

Тьфу. Бред.

Мне нужна не её нежность. Не её губы. Не её глаза. Мне нужна жена. Фиктивная. Удобная. Управляемая. И желательно уже сегодня, потому что времени остаётся катастрофически мало. Виолетта не станет ждать, пока Полина Канарейкина соизволит определиться со своими моральными

принципами.

К утру я прихожу к единственному правильному выводу: её решение надо ускорить.

В офис приезжаю раньше обычного. Секретарское место пустое. Разумеется. Канарейкина ещё не явилась. Или решила не являться вообще? Найду ведь!

Вызываю пока начальника службы безопасности.

— По Канарейкиной есть что?

Молча кладёт на стол тонкую папку.

— Свободны.

Он выходит, а я сразу открываю папку.

Полина Сергеевна Канарейкина. Двадцать два года. Родители погибли. Опекунство над братом фактически на ней, хотя формально парень уже совершеннолетний. Учёба, работа, кредиты за старую квартиру, какие-то долги по коммуналке, подработки. Всё скучно, бедно и правильно.

А вот дальше становится интересно.

Евгений Канарейкин. Первый курс. Институт промышленного управления и права.

Я замираю, а потом медленно улыбаюсь.

Ну надо же. Как удачно.

«Рад-Инвест» входит в попечительский совет этого института уже третий год. Я лично подписываю им ежегодное пожертвование, а ректор улыбается мне на всех благотворительных ужинах так широко, будто я не деньги перевозжу, а кислород ему подаю.

И вот это уже не просто рычаг. Это кнопка.

Беру телефон и набираю ректора.

— Виктор Павлович, доброе утро. Радов беспокоит.

На том конце мгновенно оживают. Слащаво, преданно, почти с поклоном в голосе.

— Богдан Романович! Какая честь! Чем обязан?

— У вас учится один студент. Канарейкин Евгений. Первый курс. Вчера он оказался в полиции после драки. Материалы, насколько я понимаю, могут поступить к вам сегодня.

Пауза.

— Да-да, конечно, мы разберёмся...

— Разберитесь так, чтобы мальчик и его семья поняли серьёзность ситуации. Дисциплинарная комиссия. Угроза отчисления. Формулировка простая: документы из полиции поступили, институт не может закрыть глаза на поведение студента. Всё строго по регламенту.

— Понимаю, Богдан Романович. Но если вы...

— Если я попрошу, вы его не отчислите, — спокойно заканчиваю за него. — Но пока я не прошу.

Он всё понимает. Отлично.

— Будет сделано.

Кладу трубку и впервые за утро чувствую, как внутри становится легко.

Вот теперь Полина придёт ко мне сама.

Не гордая. Не упрямая. Не с этим своим ледяным «я подумаю». Придёт, потому что брат для неё важнее гордости.

Важнее меня. Важнее всего.

И это правильно. Через близких людей давить удобнее всего.

Я откидываюсь на спинку кресла, улыбаюсь и уже почти представляю, как Канарейкина стоит перед моим столом, сжимает ручку сумки и тихо произносит: «Я согласна».

В этот момент дверь распахивается без стука.

— Богдаша!

Стелла wpłyвает в кабинет так, будто это не офис, а подиум.

— Стелла, я занят.

— Конечно, занят, — улыбается она.

— Чего тебе?

— Нам надо поговорить. Серьёзно.

Вот только этого мне не хватало.

— Говори.

Стелла подходит к столу, улыбается загадочно. Терпения у меня хватает ровно на пять секунд.

— Стелла?

— Ну, не торопи меня, — капризно тянет она. — Я думала всю ночь.

Не только ты, милая.

— И поняла, что, наверное, судьба сама всё решила за нас.

Я молчу. Не понимаю. И, честно говоря, понимать не хочу.

— Твоя тётя хочет, чтобы ты женился, — продолжает

Стелла. — А мы с тобой давно близки. Все и так думают, что мы пара. Я красивая, умею вести себя в обществе, меня не стыдно показать кому угодно. Даже твоей Виолетте.

До меня доходит не сразу.

Потом доходит.

— Нет, — говорю сразу.

Стелла моргает.

— Что нет?

— Нет, ты не станешь моей невестой.

Лицо у неё вытягивается. Потом губы обиженно поджимаются.

— Богдаша, ты сейчас серьёзно? Я пришла к тебе сама. Я вообще-то хочу помочь! Раз тётя сказала жениться, женись на мне. В чём проблема?

Я даже смеяться не могу. Настолько абсурдно всё звучит.

— Проблема в том, что я не собираюсь на тебе жениться.

Ни по-настоящему, ни фиктивно.

— Почему? — голос становится тоньше. Опаснее. — Я тебе не подхожу?

— Для того, что мне нужно, — нет.

— А что тебе нужно, Богдан? Мышь какая-нибудь? Девочка из бухгалтерии? Или твоя новая секретарша, которая смотрит на тебя, как на икону?

Имя Полины она не произносит, но я всё равно напрягаюсь.

— Не лезь туда, куда тебя не просят.

— Значит, правда, — она криво улыбается. — Ты нашёл кого-то.

— Стелла.

— Нет, ты мне объясни! — вспыхивает она. — Я была с тобой, когда ты хотел. Я приезжала, когда ты звал. Я закрывала глаза на твоё настроение, на твои интрижки на стороне, на твоё «потом». А теперь, когда я могу стать тебе полезной, ты говоришь нет?

Тяжёлый разговор. Именно такой, какие я ненавижу. С претензиями, обидами и попытками сделать из удобной связи драму.

— Послушай, — говорю тише. — Между нами ничего не меняется.

— Ничего? — переспрашивает она зло.

— Мы так же продолжим встречаться. Я буду приезжать. Ты будешь получать всё, что получала. Даже больше, если перестанешь устраивать сцены. Брак будет фиктивный. Мне так надо. Это вопрос бизнеса, не чувств.

Стелла смотрит на меня долго. В глазах у неё блестит злость. Обида. Расчёт. Всё вперемешку.

— Ты жестокий, Богдаша.

— Я честный.

— Нет, — она вдруг улыбается. Медленно. Уже иначе. — Просто ты думаешь, что можешь всё контролировать.

Она обходит стол, подходит ко мне и без спроса садится на колени. Я успеваю только откинуться на спинку кресла.

— Стелла, — предупреждаю.

— Тс-с, — шепчет она и проводит пальцами по моему галстуку. — Я просто напоминаю тебе, кто рядом с тобой был всё это время.

Её руки скользят к узлу галстука, развязывают его. Потом пальцы ложатся на пуговицы моей рубашки.

Я позволяю ей расстегнуть первую пуговицу. Вторую. Может, мне это сейчас и нужно? Снять стресс. Успокоиться.

Прикрываю глаза, чувствуя, как её рука ложится мне на ширинку.

И в этот момент дверь распахивается и в кабинет буквально влетает Канарейкина.

— Богдан Романович! — её голос срывается. — Мне нужна ваша помощь!

Распахиваю глаза и вижу, что Полина замирает на месте, переводя взгляд с меня на Стеллу и обратно.

Да сука! Опять! Что ж как назло-то?!

Стелла тоже злится.

— Опять она?! — шипит змеей.

— Стелла, слезь, — резко бросаю я, спихивая её с себя и быстро застёгивая пуговицы.

Глава 12. Условия Канарейкиной

Полина стоит на пороге моего кабинета и смотрит на нас так, будто попала не туда. Хотя, если честно, попала она именно туда, куда надо. Просто не вовремя. Совсем не вовремя.

Она переводит взгляд с расстёгнутого воротника моей рубашки на Стеллу, а потом на мои глаза.

И Полине неприятно.

Ну, вижу это. Не потому что она устраивает сцену или морщится. Нет. Канарейкина, наоборот, собирается вся, поднимает подбородок и будто закрывается изнутри. Не нравится?

Чёрт.

Почему меня вообще волнует, нравится ей или нет?

— Ты что, совсем без воспитания? — первой приходит в себя Стелла и, поправляя платье, презрительно осматривает Полину. — В кабинет нормальные люди сначала стучат. Хотя тебе, наверное, слово «нормальные» не очень знакомо.

Полина медленно переводит на неё взгляд. И вот тут я замираю.

Потому что привычной растерянной мыши нет. Передо мной стоит другая Канарейкина. Бледная, да. Вздвигнутая, да. Но спина прямая, подбородок выше, взгляд спокойный.

— Я стучала, — произносит она ровно. — Возможно, вы были слишком заняты, чтобы услышать.

Опа.

Стелла открывает рот. Потом закрывает. Потом снова открывает, уже с обиженным возмущением.

— Богдан! — она резко оборачивается ко мне. — Ты слышал? Она мне хамит! Твоя секретарша мне хамит! Скажи ей что-нибудь!

Я смотрю не на Стеллу. На Полину.

Она держится. Очень старается держаться. Только сжатые губы выдают её. Ну, и ледяной взгляд.

— Стелла, выйди, — говорю спокойно.

— Что? — она даже не сразу понимает. — В смысле выйди?

— В прямом. Выйди из кабинета.

— Богдан, ты серьёзно? — голос у неё срывается на визг. — Из-за неё?

— Из-за того, что я занят, — отрезаю и смотрю уже жёстче. — Дверь там.

Стелла багровеет. Несколько секунд стоит, будто собирается ещё что-то сказать, но потом с силой хватает сумочку со стола.

Она вылетает из кабинета, хлопнув дверью так, что в вазе на тумбе дрожат цветы.

Тишина.

Полина всё ещё стоит у двери. Не проходит дальше. Будто

не уверена, имеет ли право вообще находиться здесь после увиденного.

Я застёгиваю последнюю пуговицу, поправляю манжеты и абсолютно спокойно спрашиваю:

— Что случилось? Ты кажется, меня о помощи просила?

Выгибаю бровь и внимательно слежу за ней.

Полина будто только теперь вспоминает, зачем пришла. Лицо у неё меняется мгновенно. Обида, неловкость, всё лишнее исчезает. Остаётся паника.

— Жене позвонили из института, — говорит она быстро. — Его вызывают на дисциплинарную комиссию. Сегодня. Сказали, что документы из полиции уже у них. Что могут отчислить. Богдан Романович, пожалуйста...

Она замолкает, сглатывает и делает шаг ко мне.

— Помогите ему. Пожалуйста. Вы же сказали, что можете решить вопрос с институтом. Я... я не знаю, к кому ещё идти.

Вот оно.

Пришла сама.

Как я и говорил.

Усмехаюсь и сцепляю пальцы на столе.

— Полина, ты же взрослая и понимаешь, что в этом мире просто так ничего не делается.

Чуть хмурится и опять губы поджимает. Молчит.

— Я вчера уже сделал для твоей семьи больше, чем обязан, — продолжаю спокойно. — Сегодня могу сделать ещё.

Но ты обещала подумать.

Молчит.

Блять, тяжело с ней!

— Подумала?

— Да, — отвечает она тихо.

Я чуть подаюсь вперёд.

— И?

— У меня есть условия.

Я зависаю.

Условия?

У Канарейкиной?

Вот это уже наглость.

— Даже так? — медленно спрашиваю я. — Ну давай. Удиви меня.

Она краснеет мгновенно. До кончиков ушей. Взгляд падает куда-то на край моего стола.

— Первое... между нами не будет... — она запинается, кашляет, снова краснеет ещё сильнее. — Ну... этого.

Я медленно откидываюсь на спинку кресла. Еле сдерживаю смех. Тяжело с ней, да, но как забавно!

— Чего именно, Полина? — очень стараюсь говорить серьёзно.

Она вскидывает на меня возмущённый взгляд.

— Вы прекрасно понимаете!

— Понимаю многое, — усмехаюсь. — Но в договорах, Канарейкина, формулировки должны быть точными. Что

именно ты хочешь исключить?

— Секс! — выпаливает она и тут же отворачивается. — Никакого секса.

Вот оно. Сказала. И теперь стоит, будто совершила подвиг.

— Никакого? — тяну я, откровенно наслаждаясь её смущением. — Совсем-совсем? Даже если тебе вдруг самой захочется?

Вспыхивает тут же и мечет на меня взгляд, полный негодования.

— Не захочется, — цедит сквозь зубы.

— Уверенная какая.

— Второе условие, — говорит она быстрее, явно желая проскочить опасную тему. — Вы не будете открыто флиртовать с другими женщинами. И не будете... иметь отношения. Ну, открыто. Пока мы изображаем пару.

Теперь уже я смотрю на неё внимательнее.

— Подожди. Первое условие — никакого секса с тобой. Второе — никакого секса ни с кем другим? Я правильно понимаю?

— Я сказала не так!

— Но смысл примерно такой, — улыбаюсь шире. — Полина, ты понимаешь, что одно исключает другое?

— Ничего не исключает. Это вопрос уважения. Если я должна играть вашу невесту, а потом жену, я не собираюсь выглядеть душой, пока вы будете таскать по кабинетам раз-

ных... Стелл.

Ох ты ж.

Задело, значит.

И мне почему-то нравится, что задело.

— Ревнуешь? — спрашиваю мягко.

— Я?! Вас?! — она даже задыхается от возмущения. — Нет!

— А выглядит именно так.

— Это выглядит так, как я не хочу участвовать в вашем цирке без правил.

Опять зубы показывает. Маленькая, упрямая, красная от смущения и злости. И я вдруг понимаю, что мне нравится доводить её до этого состояния. Нравится видеть, как она вспыхивает. Как пытается держаться. Как ненавидит меня и всё равно стоит здесь, потому что ей нужна моя помощь.

Резко встаю.

Полина тут же напрягается. Следит за мной, пока я обхожу стол. Шаг назад. Ещё один. Осторожная. Пугливая. Но не убегает.

— Вы поможете брату? — спрашивает она тихо.

Я останавливаюсь перед ней. Слишком близко, конечно. Специально слишком близко.

— А ты выйдешь за меня?

Она сглатывает.

— Если мои условия будут в договоре.

— Никакого секса и никакой Стеллы, — перечисляю, на-

клоняясь к ней. — Жёстко ты меня ограничиваешь, Кана-рейкина. Что же ты мне предлагаешь? Дрочить?

Зажмуривается, как будто что-то страшное услышала.

Не могу больше держаться и громко смеюсь.

Полина распахивает глаза. Мой взгляд блуждает по её лицу. Подрагивающие ресницы, поджатые губы, упрямый подбородок.

Она боится. Конечно, боится. Я слишком близко, а она слишком хорошо помнит машину у подъезда.

И всё равно я смотрю на её губы.

Хочу поцеловать.

Опять.

Дурацкое желание. Совершенно неуместное. Мы говорим о договоре, о брате, о фиктивном браке, а я думаю о том, какие у неё губы на вкус и изменится ли что-то, если я просто коснусь их. На секунду. Проверю.

Да ничего не изменится. Она зависит от меня.

Почему бы и нет?

Я наклоняюсь ниже.

Полина замирает. Взгляд мечется от моих глаз к губам и обратно. Ладонь поднимается, будто она собирается снова упереться мне в грудь. Или ударить. С ней теперь не угадаешь.

И в этот самый момент дверь распахивается с таким грохотом, что я невольно торможу и медленно оборачиваюсь. И офигеваю. Челюсть едва не падает на пол.

— Та-дам! — раздаётся радостный голос моей тётки.

— Виолетта?! — шепчу я, не веря своим глазам. — Ты?!

Глава 13. Незванная гостья

Виолетта стоит на пороге моего кабинета так, будто это не она только что ворвалась без предупреждения, а я посмел не встретить её красной дорожкой, оркестром и бокалом шампанского.

Она радостно улыбается. И, наверное, у любого другого от этой улыбки стало бы тепло на душе. Но не у меня.

Потому что Виолетта никогда не появляется просто так. И уж точно не появляется просто так раньше срока.

— Виолетта, — повторяю я, всё ещё не веря своим глазам. — Ты должна была прилететь в субботу.

— Должна была, — легко соглашается она и проходит внутрь, даже не дожидаясь приглашения. — Но потом подумала: а зачем терять драгоценное время? Решила приехать пораньше. Сюрприз, Богдаша!

Сюрприз, ага.

Такой, после которого хочется срочно вызвать кризисного менеджера, адвоката и, возможно, экзорциста.

Полина рядом со мной не шевелится. Стоит так близко, что я всё ещё чувствую тепло её тела у своего плеча. Ещё секунду назад я собирался сделать очередную глупость и поцеловать её. Снова. Без всякой необходимости, без плана, без чёртовой логики.

Теперь же моя тётка смотрит на нас так, будто застала са-

мую интересную сцену спектакля и требует продолжения.

Её взгляд скользит по Полине. Медленно. Внимательно. Оценивающе. О да, Виолетта уже всё поняла.

Полина краснеет мгновенно. До самых ушей. Делает маленький шаг в сторону, будто хочет отдалиться от меня, от тётки, от всего этого сумасшествия.

Не выйдет, дорогая.

Я быстро кладу ладонь ей на талию и притягиваю обратно к себе.

Она поднимает на меня удивлённый взгляд. Но я делаю вид, что не замечаю.

Что ж, Виолетта своим внезапным появлением перенесла срок начала нашего спектакля.

Блять. А если бы она зашла чуть раньше?! Когда Стелла на мне сидела?!

От одной мысли всё холодеет внутри.

— Виолетта, знакомься, — произношу максимально спокойно, будто у меня всё под контролем. — Это Полина. Моя невеста.

Прямо чувствую, как напрягается девчонка. Кажется, даже дышать перестаёт.

— Невеста? — Виолетта расплывается в улыбке. — Вот как. А Богдаша, значит, решил держать меня в неведении до последнего?

— Хотел сделать сюрприз, — отвечаю я.

— Какой ты предусмотрительный, — тётка прищуривает-

ся. — Даже не знаю, верить ли.

Она протягивает Полине руку.

— Виолетта Аркадьевна Радова. Можно просто Виолетта. Все эти отчества старят женщину лет на двадцать, а я пока не готова так щедро разбрасываться возрастом.

Полина осторожно вкладывает свои пальцы в её ладонь.

— Очень приятно, — говорит тихо. — Полина Сергеевна Канарейкина.

— Канарейкина, — повторяет Виолетта, пробуя фамилию на вкус. — Прелестно. Птичья фамилия. А сама вы, Полина, кто? Чем занимаетесь? Где Богдан вас прятал от родной тётки?

Полина теряет.

Ну, конечно, теряет. Её только что назначили моей невестой без предварительного согласования, представили женщине, которая сканирует её похлеще рентгена, и теперь требуют светской беседы.

— Я... работаю, — выдавливают она. — Здесь. То есть в компании. У Богдана Романовича.

— У Богдана Романовича, — повторяет Виолетта и медленно переводит взгляд на меня. — Как официально. Богдана, ты и дома заставляешь невесту обращаться к тебе по имени-отчеству?

Чёрт. Девчонка сейчас выдаст нас с головой!

— Нет, что ты, — улыбаюсь я и чуть поворачиваюсь к Полине. — Просто Полина смущается. Правда, милая?

Милая.

Канарейкина таращится на меня. Ну, точно выдаст! Ей нужно дать перерыв. Виолетта задавит её своим вниманием.

— И давно вы вместе? — не отстаёт она. — Где познакомились? Богдан сам сделал предложение или ему пришлось долго мучить вас своим характером, прежде чем вы согласились?

— Мы... — Полина открывает рот и тут же закрывает.

Я чувствую, как она напрягается под моей рукой. Ещё немного — и либо ляпнет правду, либо сбежит прямо через окно.

— Виолетта, — вмешиваюсь я. — Ты устроила допрос с пристрастием через три минуты после появления. Дай девушке выдохнуть.

— А я и даю, — невинно отвечает тётя. — Просто интересуюсь будущей родственницей. Имею право.

— И обязательно воспользуешься этим правом вечером, — говорю твёрдо. — Сейчас Полине надо работать.

Полина поворачивает ко мне голову так быстро, будто я только что открыл перед ней дверь из камеры смертников.

— Да, — тут же подхватывает она. — Мне правда нужно... отчёты. Документы. Очень много работы.

— Ого, Богдаша! Неужели ты нашёл девушку, которая работает! Вот это да! ты не перестаёшь меня радовать! Конечно, Полина, — Виолетта улыбается ей ласково. — Идите. Мне как раз надо пообщаться с племянником. Но вечером я

вас не отпущу так легко.

Канарейкина кивает. Потом ещё раз. Делает шаг назад и я вынужден отпустить её талию.

Она буквально сбегает из кабинета. Не идёт — именно сбегает. Быстро, почти бесшумно, только дверь закрывает слишком резко.

Мы с Виолеттой остаёмся одни.

Тётя молчит ровно три секунды.

Потом медленно поворачивается ко мне и улыбается.

— Хорошенькая. Не модель, как обычно у тебя, но хорошенькая.

Я напрягаюсь.

— Правда? — спрашиваю осторожно.

— Очень, — кивает она. — Смущается искренне. Глаза честные. Фамилия смешная. И смотрит на тебя так, будто одновременно хочет спрятаться за шкаф и ударить тебя этим же шкафом по голове. Прелесть.

— Рад, что тебе понравилось первое впечатление.

— Не первое впечатление, Богдаша. Девушка. Полина мне понравилась.

Непонятно, должен я радоваться или начинать паниковать.

— Рассказывай, — требует Виолетта и устраивается в кресле напротив моего стола, как у себя дома. Хотя почему как. Она и есть почти у себя дома. — Где познакомились? Когда сделал предложение? Почему я узнаю обо всём по-

следней? И главное — почему у девочки такой испуганный вид? Когда ты успел так напугать её?

Замечательная наблюдательность. Вот за что я особенно люблю свою тётю. Особенно когда это направлено не на меня.

— Всё произошло быстро, — отвечаю я. — И не совсем вовремя. Сама видишь, дел много.

— Любовь вообще редко спрашивает расписание у секретаря, — философски замечает Виолетта. — Хотя в твоём случае, кажется, именно у секретаря и спросила. Надеюсь, что вечером я получше узнаю Полину. Пока мне всё нравится!

Решаю сменить тему разговора.

— Ты где остановилась? В какой гостинице?

Тётя моргает так невинно, что мне сразу становится плохо.

— В гостинице? Богдаша, зачем мне гостиница, если у моего любимого племянника есть прекрасный дом?

Нет.

Только не это.

— Виолетта, — медленно произношу я. — Ты хочешь сказать...

— Что буду жить у тебя, конечно, — радостно заканчивает она. — Не волнуйся, я уже распорядилась, чтобы багаж отвезли прямо туда.

Глава 14. Без вариантов

— Виолетта, — произношу я как можно спокойнее, хотя внутри уже матерюсь на всех языках, которые знаю. — Ты устала с дороги. Тебе надо отдохнуть.

— Богдаша, не начинай, — она отмахивается от меня. — Я прекрасно себя чувствую. Самолёт был удобный, шампанское холодное, а стюард милый. Что ещё нужно женщине для счастья?

Не знаю, как насчёт женщин, но меня бы устроило, чтобы Виолетта сейчас оказалась как можно дальше от моего кабинета, от моего дома и особенно от Полины Канарейкиной.

Но вслух я, конечно, этого не говорю.

— Твой багаж уже у меня дома? — уточняю, хотя ответ очевиден.

— Разумеется, — довольно улыбается она. — Я распорядилась. Ты же знаешь, как я не люблю бессмысленные ожидания.

Знаю.

Ещё я знаю, что Виолетта не поверит ни одной моей отговорке, если за ужином Полина будет сидеть напротив неё с глазами испуганной козули и обращаться ко мне по имени-отчеству.

Мне срочно нужно поговорить с Канарейкиной. Подготовить. Объяснить, что можно говорить, а что нельзя. Кто

мы. Где познакомились. Когда я сделал предложение. Почему она якобы меня любит, хотя на самом деле смотрит так, будто мечтает врезать мне чем-нибудь потяжелее.

— Вечером ужинаем у меня, — говорю твёрдо. — Я распоряжусь насчёт кухни.

— Не распоряжайся, — перебивает Виолетта. — Я уже заказала ужин. Хороший ресторан. Домашняя подача. Никаких твоих деловых фуршетов с канапе размером с совесть Аркадия.

Прекрасно. Она уже всё решила. Как обычно.

— Тогда я отвезу тебя домой, — предлагаю, поднимаясь. — А сам вернусь в офис. Надо закончить пару срочных дел.

— Срочных дел или срочных инструкций для невесты? — прищуривается тётка.

Смотрю на неё без улыбки.

— Виолетта.

— Ладно-ладно, — смеётся она и поднимает руки. — Не рычи. Но вечером я жду вас обоих. Как же мне хочется поговорить с Полиночкой! Такая милая девушка!

Блять.

Кое-как выпроваживаю её из кабинета. Это занимает почти двадцать минут, три звонка водителю, два её замечания по поводу моего галстука и одно — по поводу того, что Полину надо срочно одеть «не как сиротку из бухгалтерского архива».

Когда дверь за Виолеттой, наконец, закрывается, я выды-

хаю и сразу выхожу в приёмную.

Пусто.

На столе Полины нет сумки. Нет её телефона. Нет даже этой вечной стопки бумаг, за которыми она обычно прячется от меня.

— Канарейкина?

Ответа нет. Сбежала? Вот же маленькая упрямая зараза.

Достаю телефон и набираю её номер. Не отвечает. Набираю ещё раз. И ещё. Тишина.

Она серьёзно решила спрятаться? После того, как сама согласилась? После того, как я уже назвал её своей невестой перед Виолеттой?

Нет, Полина. Так не работает.

Через полчаса я уже возле её дома.

Набираю номер квартиры на домофоне. Никто не отвечает.

Я уже готов снова искать своего нового приятеля Сёмку, когда дверь подъезда открывается изнутри, и на улицу выходит парень.

Женька.

Разбитая губа уже не такая яркая, но синяк под глазом расплзается красивым фиолетовым пятном.

— Где Полина? — спрашиваю без предисловий.

Парень останавливается. Меряет меня взглядом с головы до ног. Неприязненно. Даже с вызовом.

— А вам какое дело?

— Большое.

— Она не хочет вас видеть.

— А ты теперь её пресс-секретарь?

Женька делает шаг ко мне. Худой, злой, молодой. Уверенный, что, если сжать кулаки и смотреть волком, взрослые мужчины в дорогих костюмах испугаются.

Не испугаются.

— Слушайте, — цедит он. — Я не знаю, что у вас там с Полей, но если вы её обидели...

— То что? — перебиваю спокойно. — Снова полезешь в драку и окажешься в полиции? Отличный план. У тебя талант выбирать решения, от которых сестре становится хуже.

Попал. Парень бледнеет от злости.

— Не смейте говорить так про неё.

— Я не про неё говорю. Я про тебя. Ты вчера чуть не вылетел из института. Сегодня утром комиссия уже была готова превратить твою жизнь в помойку. Кто это остановил, напомнить?

Женька сжимает челюсть.

— Я не просил.

— Конечно. Просила Полина. Потому что ты умеешь только влипнуть, а она — вытаскивать тебя за шкуру.

— Что вам от неё надо? — спрашивает он уже тише, но ненависти в голосе меньше не становится.

— Я предлагаю твоей сестре выгодный контракт.

— Контракт? — он криво усмехается. — Вы серьёзно? С

Полей? Что за контракт?

— Это между мной и Полиной.

— Тогда ищите её сами.

Разворачивается, но я успеваю схватить его за локоть. Не грубо. Но достаточно крепко, чтобы понял: разговор не окончен.

— Послушай меня внимательно, Евгений. Сейчас только я могу ей помочь. Не ты. Не ваши соседи. Не её гордость. Только я. И если вечером она не окажется там, где должна, проблемы начнутся не только у меня.

— Вы угрожаете?

— Объясняю реальность. Полина это уже поняла. Просто испугалась. А мне нужно её найти, чтобы она не натворила глупостей.

Женька смотрит на меня долго. Очень долго. Я вижу, как в нём борется желание послать меня на три буквы или...

В конце концов он выдёргивает руку.

— Если вы ей что-нибудь сделаете...

— Не сделаю, — говорю резко. — Где она?

— Не знаю, — бурчит он. Потом достаёт телефон. — Но могу узнать.

Набирает. Полина отвечает почти сразу.

Ну, конечно. Брату отвечает, а мне нет.

— Поль, ты где? — Женька отворачивается от меня, но я всё равно слышу каждое слово. — Я нормально. Да нормально со мной. Ты сама где? Давай встретимся. Нет, дома

меня не будет. У сквера, где кофейня. Через двадцать минут. Да, один. Поль, мне поговорить надо.

Он отключается и смотрит на меня так, будто только что предал Родину.

— Если она заплачет из-за вас, я...

— Сначала научись не попадать в камеры, — обрываю я.
— Потом будешь угрожать.

Разворачиваюсь и иду к машине. Спиной чувствую его взгляд. Неприятный пацан. Наглый. Но Полину любит. Это видно.

И это, пожалуй, единственное, за что я пока готов его терпеть.

К скверу приезжаю раньше. Паркуюсь чуть дальше, за углом, так, чтобы Полина не увидела машину сразу и не рванула в другую сторону. Потому что она рванёт. Я уже знаю эту девочку достаточно хорошо.

Через несколько минут она появляется у кофейни. Маленькая, напряжённая, в джинсах и лёгкой куртке, с распущенными волосами. Оглядывается. Ищет брата.

А нахожу её я.

Выхожу из-за угла, подхватываю её за талию и прижимаю к себе раньше, чем она успевает вскрикнуть.

— Попалась, Канарейкина.

— Богдан Романович?! — она дёргается всем телом. — Отпустите меня! Где Женя?! Что вы ему сказали?!

— Жив, здоров и раздражает меня примерно так же, как

ты.

— Вы обманули меня! — она упирается ладонями мне в грудь, пытается вывернуться, но я просто подхватываю её крепче и несу к машине.

— Я спасаю ситуацию, — говорю сквозь зубы.

— Ничего не выйдет, слышите? Ничего! Ваша тётя нас сразу раскусит. Она очень умная. И понятливая. Она уже всё поняла, я видела!

— Вот поэтому ты сейчас едешь со мной и учишься не смотреть на меня так, будто я похитил тебя для продажи на органы.

— А разве нет?! — почти визжит она, снова дёргаясь.

— Полина, у нас нет выбора.

— У меня есть! Я выбираю не участвовать в этом безумии!

— Поздно. Ты уже участвуешь.

Открываю дверцу машины и почти силком усаживаю её внутрь. Она тут же пытается выбраться, но я наклоняюсь, пристёгиваю ремень и придерживаю дверь.

— Только попробуй выпрыгнуть, — предупреждаю.

— Я вас ненавижу, — выдыхает она.

— Плевать, — бросаю, захлопывая дверь.

Глава 15. Молчать и улыбаться

Сажусь за руль, захлопываю дверь и сразу блокирую замки.

Полина тут же дёргает ручку двери. Раз. Второй. Потом резко поворачивается ко мне.

— Откройте.

— Нет.

— Немедленно откройте дверь, Богдан Романович.

Слишком официально. Слишком зло. Слишком Полина.

Выруливаю со стоянки, делая вид, что не замечаю, как она сжимает сумку на коленях так, будто собирается приложить меня ею ещё раз.

— Мы едем на ужин к Виолетте, — говорю спокойно. — Ты улыбаешься, киваешь, изображаешь мою невесту и по возможности не портишь мне жизнь.

— Я не поеду.

— Уже едешь.

— Остановите машину.

— Полина.

— Нет! — срывается она. — Вы не понимаете? Я не смогу. Ваша тётя... она всё поймёт. Она смотрит так, будто видит людей насквозь. Я не умею врать таким людям.

— Значит, научишься.

— Я не хочу учиться врать вашей тёте!

— А я не хочу снова объяснять ректору, почему твоему брату можно портить имущество, драться и оставаться в институте.

Она резко замолкает.

Вот так. Наконец-то.

Смотрю на дорогу, а боковым зрением вижу, как Полина медленно поворачивает ко мне лицо.

— Вы мерзкий человек, — говорит она тихо.

Пальцы сами сильнее сжимают руль.

— Я эффективный.

— Я вас ненавижу.

— Ты уже говорила.

— И ещё много раз скажу.

— Если это поможет тебе лучше играть влюблённую невесту, можешь тренироваться всю дорогу.

Она шумно выдыхает. Потом говорит уже ровнее:

— Без договора я ничего изображать не буду.

— Договор будет завтра.

— Завтра? — усмехается. — То есть сегодня я должна играть вашу невесту на честном слове?

— На моём слове.

— Вот именно поэтому я и боюсь.

Злюсь. Как же бесит! Она произносит это так, будто я действительно не заслуживаю ни грамма доверия.

И снова она отказывается ехать. Я напоминаю про Женьку. Она называет меня шантажистом. Я говорю, что пред-

почитаю слово «стратег». Она опять говорит, что ненавидит меня. А я опять делаю вид, что мне плевать.

И только когда впереди уже показываются ворота моего дома, до меня доходит главное.

Мы так и не договорились, что именно говорить Виолетте. Блять.

— Полина, — говорю быстро, сворачивая к дому. — Главное правило на сегодня: поменьше говори.

Она медленно поворачивает ко мне голову.

— Что?

— Побольше молчи. Улыбайся. Если тётя задаёт вопрос — смотри на меня.

— Чтобы вы отвечали за меня?

— Именно.

— Какая удобная у вас невеста должна быть.

— Да, Полина. Мне нужна очень удобная невеста. Именно поэтому я тебя и выбрал, — мило улыбаюсь, хотя в её глазах без труда читается желание дать мне по физиономии.

Дурочка. Всё равно будет по-моему.

Виолетта встречает нас с таким выражением лица, будто встречает любимых детей после долгой разлуки.

— Наконец-то! — радостно восклицает она. — Я уже думала, Богдаша по дороге передумал жениться.

Полина выходит из машины сама. Конечно, сама. Даже руку мою игнорирует.

Я подхожу к ней, обнимаю за талию и притягиваю к себе.

Она тут же пытается отстраниться, но я нахожу её пальцы и крепко сжимаю. Не больно. Просто предупреждаю.

Не дёргайся.

Полина бросает на меня взгляд. О, если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежал на мраморной дорожке в луже собственной крови.

— Проходите, мои дорогие, — сияет Виолетта. — Ужин уже ждёт, а я умираю от любопытства.

Вот этого я и боялся.

За столом Виолетта держится ровно пять минут. Ровно столько, сколько требуется, чтобы нам разлили вино и подали первое блюдо.

Потом начинается допрос.

— Полиночка, расскажите же, как вы познакомились с моим племянником?

Я поворачиваюсь к Полине. Даю ей взглядом понять: молчи. Смотри на меня. Я отвечу.

Полина смотрит на меня. Улыбается. Очень мило.

И говорит:

— Богдан Романович сначала не запомнил моё имя. Зато потом очень быстро запомнил мою фамилию, когда решил, что ему от меня что-то нужно.

Я едва не давлюсь вином.

Виолетта же замирает, а потом смеётся.

— Чудесно! Богдаша в своём репертуаре. Продолжайте, Полина.

Продолжайте?

Нет. Не продолжайте.

— Полина скромничает, — вмешиваюсь я.

— Нисколько, — тут же отвечает она. — Я как раз стараюсь быть честной. Богдан Романович это очень ценит. Особенно когда честность не мешает его планам.

Виолетта снова смеётся.

Я беру бокал и делаю большой глоток. Не потому, что хочу вина. Потому что иначе скажу что-нибудь, после чего весь наш спектакль рухнет на первом же акте.

— А предложение? — Виолетта наклоняется к Полине. — Романтичным было?

Полина задумчиво смотрит в бокал.

— Очень. Богдан Романович умеет выбирать моменты, когда женщине особенно трудно отказаться.

Сука.

Нет, вслух я, конечно, этого не говорю.

Вслух я улыбаюсь. Да, оказывается, улыбаться тоже можно вслух. Сквозь зубы.

— Полина любит шутить.

— Я заметила, — довольно кивает тётя. — И мне это нравится.

Прекрасно, блять. А мне нет!

И я вижу, что эти две адские женщины довольно быстро находят общий язык!

Виолетта спрашивает про учёбу, Полина рассказывает

про заочное обучение, про работу, про то, что любит старые дома и маленькие книжные магазины. Тётя оживает, вспоминает какой-то букинистический развал в Праге, потом антикварный салон в Лиссабоне, и они начинают болтать так легко, будто знакомы не двадцать минут, а двадцать лет.

Я даже немного расслабляюсь.

Всё идёт хорошо. Лучше, чем я рассчитывал.

Полина улыбается. Виолетта смеётся. Я пью вино и убеждаю себя, что моя маленькая фальшивая невеста всё-таки умеет быть полезной, когда хочет.

Потом Виолетта спрашивает:

— А что вас в Богдане покорило?

Я напрягаюсь.

Полина берёт бокал. Делает маленький глоток. Кстати, уже не первый. Я замечаю это только сейчас. Она тоже пьёт. Немного, но достаточно, чтобы в глазах появился игривый блеск, а улыбка стала смелее.

— Настойчивость, — отвечает она. — Богдан Романович, если что-то решил, уже не спрашивает, хотят ли остальные участвовать.

Виолетта улыбается.

— Узнаю племянника.

— Ещё он очень щедрый, — продолжает Полина, невинно хлопая глазками. — Особенно когда заранее понимает, что иначе никто не согласится.

Я ставлю бокал на стол.

Хватит.

Под столом кладу ладонь ей на колено и сжимаю. Хватит, блять.

Полина замирает. Вся. Даже улыбка гаснет на секунду. Она медленно поворачивает голову и смотрит на меня.

Я чуть дёргаю бровью. Мол, не нарывайся.

Взгляд у неё становится колючим, совсем не похожим на взгляд милой невесты, которую она только что так старательно изображала перед Виолеттой.

И в следующую секунду она как будто неловко двигает рукой.

Как будто.

Бокал опрокидывается прямо мне на брюки.

На ширинку.

Холодное красное вино мгновенно расплзается по ткани мерзким тёмным пятном. Боксёры моментально мокнут.

Сука.

Моя маленькая фальшивая невеста только что облила меня вином. При моей тётке. За моим столом. Прямо туда, куда приличные люди даже не смотрят.

— Ой, — тихо произносит Полина. — Как неловко вышло.

Неловко, блять?!

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Почти ангельски. Только в глубине этого ангельского взгляда пляшет злорадство.

— Ничего страшного, — говорю сквозь зубы и встаю из-за стола. — Полина, пройдем со мной. Поможешь замыть пятно.

Она тут же отодвигается на стуле.

— Я? Нет. Простите, но я не думаю, что это удобно.

— Очень удобно, — цежу я. — Ты испачкала — ты и поможешь.

— Богдаша, — вмешивается Виолетта таким тоном, каким обычно останавливают ребёнка, который вот-вот устроит истерику в магазине. — Девушка никуда с тобой не пойдёт.

Я медленно поворачиваюсь к ней.

— Виолетта...

— Сам справишься, — отмахивается она. — Ты взрослый мальчик. Ванная по коридору направо. Если забыл. Иди переоденься, пока не застудил самое ценное, чем так гордишься.

Полина с трудом сдерживает усмешку.

Ну, сучка!

— Богдан, — уже мягче говорит тётя. — Иди. Мы с Полиночкой пока побеседуем.

Вот этого мне вообще не надо.

Оставить их вдвоём — примерно как оставить спичку рядом с канистрой бензина и надеяться, что дом не взлетит на воздух.

Но спорить с Виолеттой бесполезно. Лучше по-быстрому

переодеться и вернуться.

Бегу в свою комнату и переодеваюсь в чистые брюки и рубашку.

Выхожу и замираю в коридоре.

Голоса доносятся из гостиной. Не из столовой.

— Виолетта, вы очень добры, — говорит Полина. — Правда. Но мне уже пора домой.

Домой?!

— Уже? — удивляется Виолетта.

— У меня брат дома, — отвечает Полина. — И вообще... мне не стоит оставаться. Богдан Романович и так...

— Богдан бывает несносным, — мягко говорит тётя. — Но, если бы ты видела, как он смотрел на тебя за ужином, ты бы не спешила домой.

Я хмурюсь.

Да как я на неё смотрел?!

— Мне правда нужно уехать, — настаивает Полина.

И вот тут меня накрывает пониманием, что я не хочу. Ну, не хочу, чтобы она уезжала. Мы не договорили!

Она должна остаться.

Глава 16. Я всё поняла

Конечно.

Стоит мне отойти переодеться, как моя фальшивая невеста сразу вспоминает, что у неё есть дом, брат и принципы.

— Куда это мы собрались? — спрашиваю я и подхожу к Полине.

Она вздрагивает, но быстро берёт себя в руки. Поднимает подбородок. Всё как я уже успел выучить.

— Домой, — отвечает спокойно. — Спасибо за ужин. Мне пора.

Пора ей.

Мне хочется сказать, что пора будет тогда, когда я решу. Но Виолетта смотрит. Очень внимательно смотрит. С интересом. Как будто о чём-то догадывается! А если Канарейкина ей что-то ляпнула?!

Подхожу ближе, забираю у Полины сумку и свободной рукой обнимаю её за талию.

Она тут же напрягается. Каменеет вся. Но не отталкивает. Молодец, учится.

— Уже сбегаешь, милая? — спрашиваю тихо, наклоняясь к ней.

— Не сбегаю, — цедит она сквозь зубы, но для Виолетты улыбается. — Просто мне правда пора домой.

Я притягиваю её к себе чуть крепче.

Вот так. Никаких резких движений, Канарейкина. Наш спектакль ещё не окончен.

— Домой? — Виолетта ставит бокал на столик. — Полиночка, а разве вы не живёте у Богдана?

Полина моргает.

Я тоже.

Вот же вопрос.

— Нет, — отвечает Полина раньше, чем я успеваю придумать нормальную версию. — Я живу у себя.

Виолетта переводит взгляд на меня. И в этом взгляде уже не просто любопытство.

— Интересно, — произносит она. — Невеста есть, свадьба намечается, а живёте отдельно?

— Мы решили до свадьбы не жить вместе, — говорю быстро и вполне уверенно. — Полина очень принципиальная.

Полина быстро кивает.

— Неужели? — Виолетта удивлённо поднимает брови. Потом вдруг улыбается. — О. Вот это мне нравится. Редкое качество в наше время, — продолжает тётя, снова глядя на Полину. — Девочка с правилами. Как же тебе повезло, Богдаша.

Не то слово.

— Но сегодня, — улыбается Виолетта, — я хотела бы попросить вас остаться, Полиночка.

Полина тут же напрягается ещё сильнее.

Я — наоборот. Расслабляюсь.

Вот. Умница, тётушка.

— Остаться? — откашливается Полина. — Почему?

— Завтра хочу выбрать кое-что для дома, заодно пройтись по магазинам. Мы могли бы мило побеседовать. Без хмурого Богдаши. Нам же есть, что обсудить.

Тётя хищно улыбается, а я сглатываю.

Нет. Их наедине никак нельзя оставлять! Нельзя ни в коем случае!

Канарейкина не готова пока!

Я собираюсь вставить слово в этот поток женской беседы, но в этот момент у меня в кармане вибрирует телефон.

Достаю.

Стелла.

Как не вовремя.

Полина тоже видит имя на экране. Конечно, видит. И я замечаю, как у неё меняется лицо. Совсем чуть-чуть. На долю секунды. Но меня почему-то бесит именно эта доля секунды.

Она как будто фыркает и отворачивается.

— Извините, — хмурюсь я и отпускаю Полину.

Захожу в кабинет и принимаю вызов.

— Что?

— Богдаша, — тянет Стелла обиженно. — Ты совсем пропал. Я звонила тебе уже три раза.

— Значит, надо было понять с первого, что я занят.

Пауза.

— Ты со своей серой секретаршей?

— Стелла, — говорю грубо. — Пока больше мне не звони.

— Что? Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Ты разлюбил меня? — гнусавит Стелла.

ТЬфу. Дура. Ну, какая любовь?!

— Я занят, — отвечаю сухо.

Она начинает что-то говорить ещё, быстро, зло, с обидой, но я уже не слушаю. Кое-как обрываю разговор, сбрасываю вызов и убираю телефон в карман.

Сейчас у меня другая задача.

Полину надо разместить в гостевой комнате. Желательно в той, что ближе к моей спальне. Потом дожидаться, когда Виолетта уйдёт к себе, и прийти к Канарейкиной ночью.

Чисто для того, чтобы обсудить договор.

Ни для чего более.

Ну да. Ну, ещё немного наказать за её язык. Думает, я так это спущу? Осмелела девочка? ничего, я покажу тебе, кто здесь главный.

Наказать. Ммм... а мне нравится.

Не скрывая довольной ухмылки, я возвращаюсь в гостиную уже с готовым планом.

И обнаруживаю там... только Виолетту.

Тётушка сидит в кресле, как ни в чём не бывало, и попивает вино.

Полины нет.

— Где Полина? — спрашиваю слишком резко.

Виолетта поднимает на меня взгляд.

— Я отправила её домой с водителем, — с невинной улыбкой произносит она.

Несколько секунд я просто смотрю на неё.

— Ты что сделала?

— Я отправила её домой, — повторяет тётя совершенно спокойно. — С моим водителем. Он трезв. Надёжен. В общем-то, полная противоположность тебя.

— Я не просил тебя этого делать, — цежу я.

— Ты — нет, Богдаша. Ты вообще не привык просить. Только приказы отдавать. Зато Полина очень вежливо попросила. И, в отличие от тебя, она умеет просить так, что человеку хочется помочь.

Я сжимаю челюсти.

Просила она. Конечно. Пока я в кабинете разбирался со Стеллой, моя маленькая принципиальная невеста успела организовать эвакуацию.

Хитрая, зараза.

— Ты не должна была вмешиваться, — говорю жёстко.

Тётя выгибает бровь.

— Богдаша, — Виолетта улыбается, но отнюдь не мило.

— Я старая, но не слепая.

Она берёт бокал, делает глоток и смотрит на меня поверх тонкого стекла.

— Но мне определённо нравится, — продолжает она.

— Что?

— Не что, а кто. Полина.

— Я уже понял, — хмыкаю я.

— Нет, не понял. Мне нравится не то, что она миленькая.

И не то, что скромная. Хотя это тоже приятно. Мне нравится, что она тебя не боится.

Я усмехаюсь.

— Боится. Просто хорошо скрывает.

— Нет, милый. Она боится ситуации. Последствий. Тебя

— нет. И это прекрасно.

— Ты слишком много ей приписываешь.

— А ты слишком мало видишь, когда смотришь только туда, куда тебе хочется.

Вот теперь мне совсем не нравится её тон.

— Виолетта, я устал. Давай перенесём твои философские наблюдения на завтра.

— Нет, Богдаша, — мягко говорит она и ставит бокал на стол. — Не перенесём.

Я смотрю на неё. А она больше не улыбается.

— Теперь нам с тобой надо серьёзно поговорить, Богдан, — произносит Виолетта.

— О чём?

— О Полине. О тебе. И о том, что я всё поняла.

Глава 17. Утренний визит

Я до сих пор не могу отойти от шока. Да, я держалась, как могла, но руки эта вся бравада и показная смелость — это же всё попытка защититься. Опускаю взгляд на свои руки и вижу, что они трясутся.

Крепко сжимаю пальцы в замок и просовываю их между коленок. Смотрю в окно, пока водитель везёт меня домой.

Радов дурак, если не понимает, что его тётя уже всё поняла. Такой взгляд! Да для неё надо настоящую актрису нанимать, а не меня. Девушку, которая не знает, как себя вести. Ем более рядом с ним.

Когда я устроилась сюда на работу, то, конечно, видела Радова. Издалека. Красивый, уверенный, богатый. В общем, тот, кто не смотрит на таких как я.

И меня это вполне устраивало. Но вдруг перевод в его секретарши, а потом и вообще такое вот предложение!

Как реагировать? Что делать?

Наверное, надо было сразу ему отказать. Но я ведь и пыталась...

Водитель останавливается возле моего подъезда. Благодарю его и выхожу. Смотрю на окна своей квартиры, Женька ещё не спит. Свет горит.

Вся в своих мыслях, что будет дальше после моего увольнения. В том, что это случится, я не сомневаюсь после сего-

дняшнего ужина. Тётя Радова всё поняла и, конечно, наверняка сейчас говорит об этом своему дорогому племяннику. Тот, в свою очередь, всю злость и негодование обрушит на меня завтра утром. Вместе с приказом об увольнении.

Прекрасно. Даже испытательного срока не прошла.

Открываю дверь своим ключом и тут же натыкаюсь на хмурый взгляд брата.

— Поздно ты, — он демонстративно смотрит на часы.

— Ты зачем Радову помог? — строго спрашиваю я.

— Его, значит, Радов зовут? — хмыкает Женька. — Ну, я подумал, что так лучше будет. Надеюсь, этот урод ничего тебе не сделал? Он сказал, что вам только поговорить нужна. Он же твой босс. Я подумал, по работе... Он что? Обидел тебя? — и брат уже сжимает кулаки.

— Успокойся, Жень. Всё в порядке, — пытаюсь его успокоить.

— Да нифига не в порядке! Я же вижу! Он что? Пристаёт к тебе, да? Я ему морду набью! Самовлюблённый урод! Знаю я таких! У нас тоже мажорчики учатся! Думают, что им всё можно!

Женьку несёт и я понимаю, что это надо остановить.

— Жень, успокойся, — подхожу к брату и кладу руку ему на предплечье. — Я всё равно оттуда увольняюсь. Думаю, даже завтра.

— Ну и правильно! Терпеть этого павлина!

Вздыхаю, опустив взгляд. Опять искать работу, а ведь

здесь мне всё нравилось.

— Полин, не переживай, — брат вдруг обнимает меня. — Я уже всё решил. Я тоже перейду на заочку и работать пойду! Охранником, вон! Меня возьмут!

— Ты с ума сошёл?! — отстраняюсь от него и строго смотрю. — Только попробуй! Ты останешься на очном! И хватит! не хочу это обсуждать! Спать давай!

Женька недовольно пыхтит, но не спорит. Хотя во взгляде его вижу упрямство. Он ведь может и правда перевестись! И поставит меня перед фактом.

Ладно, утром поговорю с ним. И сама успокоюсь, и он остынет.

Целую его в щёку.

— Ужинать будешь? Я там макароны с курицей нахимичил, — хмуро спрашивает он.

Невольно улыбаюсь. Женька, конечно, чудит иногда. Никогда не успокоится, не перерастёт. Но любит меня. Как и я его.

— Не, Жень, я сыта, — улыбаюсь ему и рукой взъерошиваю его волосы. — Спать хочу. Давай укладываться, да?

Женька бурчит что-то про то, что я совсем ничего не ем, но послушно уходит в ванную.

Пока Женька плещется в ванной, я убираю на кухне, проверяю, закрыта ли входная дверь, и зачем-то дважды смотрю в телефон. Ни одного сообщения.

Лучше бы уже прислал короткое: «Вы уволены». Было бы

честно. Быстро и понятно.

Но Радов, конечно, так не сделает. Он любит, чтобы человек сначала помучился.

В постель я ложусь уже после полуночи. Женька давно притих за стенкой. А я лежу в темноте и смотрю в потолок.

Сон не идёт.

Стоит закрыть глаза, как передо мной снова появляется Виолетта Аркадьевна. Её внимательный взгляд, лёгкая улыбка, голос, в котором вроде бы и тепло, и насмешка, и сталь одновременно. Она не похожа на человека, которого можно обмануть ужином, парой милых фраз и фальшивым взглядом влюблённой невесты.

А ещё я думаю о том, что завтра придётся идти в офис.

И наверняка увидеть на столе приказ о своём увольнении.

Под утро я всё-таки проваливаюсь в какой-то рваный, тяжёлый сон. Но кажется, только закрываю глаза, как уже звонит будильник.

Я выключаю его сразу, чтобы не разбудить Женьку. Ему сегодня к третьей паре.

Он спит на диване в своей комнате, раскинувшись, как в детстве. Одна рука свисает вниз, волосы торчат во все стороны, синяк под глазом выглядит ещё ярче на бледном лице.

Я быстро умываюсь, собираю волосы в привычный пучок, надеваю свой серый костюм и смотрю в зеркало.

Выгляжу ужасно. Бледная, под глазами тени, губы иску- саны. И почему-то именно сейчас вспоминаю, как Виолетта

сказала, что мне надо одеваться не как сиротке из бухгалтерского архива.

Невольно фыркаю.

И выхожу.

У подъезда я поправляю сумку на плече, делаю глубокий вдох и толкаю тяжёлую дверь.

И замираю.

Прямо у крыльца стоит чёрная машина. А рядом с ней — Виолетта Аркадьевна Радова.

В светлом костюме, с идеально уложенными волосами, в тёмных очках и с таким видом, будто стоять в семь утра у моего подъезда — самое естественное занятие для женщины её уровня.

Я просто раскрываю рот.

— Доброе утро, Полиночка, — сияет она и снимает очки. — Прекрасно выглядите. Хотя не выспались, конечно. Но это поправимо. Садитесь в машину.

— Что? — наконец выдыхаю я. — Виолетта Аркадьевна... вы... что вы здесь делаете?

— Приехала за вами, разумеется, — отвечает она так бодро, будто это всё объясняет. — Я хочу кое-что вам показать. И, пожалуйста, не делайте такое испуганное лицо. Богдана рядом нет, значит, сегодня утро уже удачное.

— Но я... — растерянно оглядываюсь на подъезд, на двор, на машину. — Я на работу.

Виолетта фыркает.

— На работу она. Милая моя, ваш босс — ваш жених. Пусть и пока не очень воспитанный. Я всё устроила. Отпросила вас у Богдана на весь день.

— У Богдана Романовича? — повторяю тупо.

— У Богдаши, — поправляет она и берёт меня за руку. Тёплые пальцы, уверенная хватка, никакого шанса отступить. — Я хочу познакомиться с будущей женой своего племянника. Без его команд, без его мрачного лица и без этих ваших испуганных взглядов в его сторону.

Я в шоке просто иду за ней. Точнее, она ведёт меня к машине, а я не сразу понимаю, что ноги уже двигаются.

— Подождите, — всё же очухиваюсь у самой дверцы. — А если Богдан Романович...

— Полиночка, — Виолетта открывает передо мной дверь и улыбается так, будто сейчас сообщит главный секрет мироздания. — Если Богдан Романович будет недоволен, он переживёт. Ему полезно.

И я, всё ещё не понимая, что происходит и во что именно меня сейчас втягивают, сажусь в машину.

Глава 18. Глаз-алмаз

Виолетта Аркадьевна устраивается рядом со мной и машина трогается.

— Вы кофе пьёте? — спрашивает она. — Или чай? Что предпочитаете по утрам?

— Я... чай.

— Чай — это хорошо. В чае есть терпение. А терпение вам с моим племянником понадобится, Поляночка.

Пытаюсь улыбнуться и моргаю.

Помогите.

Почему я чувствую себя так, будто меня в заложники взяли и, пока я не скажу код от сейфа, меня не отпустят?

— Вы давно работаете у Богдана? — продолжает Виолетта.

— Два месяца. То есть... в компании два месяца. У него — меньше. Я сначала была в маркетинге. Потом меня временно... ну... к нему.

— Временно, — задумчиво повторяет она. — У Богдана всё временное почему-то очень быстро становится постоянным, если он решил, что ему это нужно.

Я едва не давлюсь воздухом.

— Я не... то есть работа — это другое.

— Конечно, другое, — легко соглашается она, но улыбается так, что мне становится ещё тревожнее. — Богдан вооб-

ще сложный мальчик. Резкий. Самоуверенный. Иногда совершенно невыносимый. Но он не плохой.

Я молчу. Потому что «не плохой» и Богдан Романович Радов в моей голове пока не очень стыкуются.

— Когда ему было двадцать четыре, — вдруг говорит Виолетта, — он продал свою первую машину, чтобы закрыть долги одного нашего старого подрядчика. Тот человек подвёл компанию, да. Но у него заболела жена и Богдан узнал об этом случайно. Никому не сказал. Просто решил вопрос. Потом ещё полгода ездил на такси правда. Вы знаете, Полина, я всегда старалась не баловать своих племянников. Да, у них было всё, что нужно. Но я всегда считала и считаю, что образование и работа — вот, что делают человека полезным обществу.

— Надо же... никогда бы не подумала, что Богдан Романович...

— А ещё однажды Богдаша выгнал с совета директоров человека, который унизил уборщицу. Причём выгнал так, что тот потом три месяца писал извинительные письма всем подряд. Богдан может быть грубым. Но несправедливость он терпит плохо. Особенно когда считает, что кто-то слабее и не может ответить.

Слушаю её и словно о каком-то другом Радове речь идёт. Может, она племянников перепутала?

— Почему вы мне это рассказываете? — спрашиваю осторожно.

— Потому что вы сейчас видите только его худшую сторону. И, к сожалению, он старательно её демонстрирует. Но если вы решите остаться рядом с ним хотя бы на время, вам нужно знать, что там есть и другое.

«Хотя бы на время» звучит так, будто она и правда всё понимает.

— Кстати, Поляночка, — как бы невзначай спрашивает Виолетта Аркадьевна через пару минут, — почему вы называете моего племянника Богданом Романовичем?

Вот он. Вопрос, который я ждала и боялась одновременно.

— Мы... так решили, — говорю и сама удивляюсь, что голос не дрожит. — Пока официально не поженимся. На работе не должно быть слухов. Я, всё-таки, его секретарь. То есть была. То есть... есть пока. В общем, чтобы никто не подумал лишнего.

— Разумно, — кивает она.

Я выдыхаю только тогда, когда машина сворачивает на тихую улицу с невысокими старыми домами.

— Приехали, — объявляет Виолетта.

Машина останавливается перед небольшим магазином с деревянной вывеской: «Старинная книга».

— Букинистический салон? — шепчу я.

— Вы же любите маленькие книжные магазины, — улыбается Виолетта. — Решила начать с безопасной территории.

Я выхожу из машины уже не в шоке, а в каком-то странном предвкушении. Дверь салона звякает старинным коло-

кольчиком, и нас встречает запах бумаги, дерева, пыли и чего-то тёплого, почти домашнего. Полки уходят до самого потолка. На столах лежат раскрытые альбомы, гравюры, старые открытки, книги в потёртых кожаных переплётках.

Я забываю, что должна нервничать. Забываю про работу, про приказ об увольнении, про Радова, про договор. Подхожу к витрине с дореволюционными изданиями и почти благоговейно смотрю на тонкий томик стихов с пожелтевшими страницами.

— Вот это первое издание? — спрашиваю у пожилого продавца.

Он улыбается, достаёт книгу, рассказывает про типографию, прежнего владельца, экслибрис на форзаце. Я слушаю, затаив дыхание. Виолетта стоит рядом и внимательно следит за нашей беседой.

Потом мы вместе рассматриваем альбомы с архитектурой старой Москвы, спорим о том, почему рукописные пометки на полях иногда интереснее самого текста, и Виолетта рассказывает, как однажды в Париже купила книгу только потому, что между страницами нашла засушенную фиалку и чужое любовное письмо.

— Я бы тоже купила, — признаюсь я. — Даже если бы книга была скучной.

— Вот! — восхищённо восклицает Виолетта. — Наконец-то человек, который понимает, что иногда история между страницами важнее сюжета. Господи! Неужели мне теперь

есть, с кем поговорить и обсудить мою слабость к книгам!

Мне становится тепло. Не от магазина даже. От того, что со мной разговаривают не как с проблемой, не как с удобным решением чужой задачи, а как с человеком, у которого есть свои маленькие радости.

Виолетта покупает мне тонкий сборник рассказов в зелёном переплёте. Я сопротивляюсь, конечно. Говорю, что не надо, что это слишком дорого, что я просто смотрела. Но она только отмахивается:

— Подарки надо принимать с благодарностью, Полина.

Когда мы выходим на улицу, я думаю, что на этом всё. Сейчас она отвезёт меня в офис, где меня ждёт злой Радов и приказ об увольнении.

— А теперь пообедаем вместе.

— Обед? — переспрашиваю я. — Но я думала...

— Никогда не думайте за меня, Полиночка. Это бесполезно и утомительно. Но перед обедом мы ещё кое-куда заедем.

На этот раз машина останавливается у салона одежды.

Вот тут я уже начинаю паниковать.

— Нет, — говорю сразу. — Нет-нет. Виолетта Аркадьевна, пожалуйста. Я не могу. Это слишком дорого. И вообще мне ничего не нужно.

— Всем женщинам что-нибудь нужно, — философски отвечает она. — Просто не все умеют себе это разрешать.

В салоне нас встречают так, будто Виолетта здесь не клиент, а королева, которая решила снизойти до примерочной.

Через пять минут вокруг меня уже кружат два консультанта, администратор и женщина с идеальной стрижкой, которую представляют как стилиста.

— У девушки прекрасная шея, — говорит стилист.

— Ну, у Полины не только шея прекрасна, — усмехается Виолетта. — Давайте поможем это показать миру?

— Я правда не могу это принять, — шепчу я, когда меня заводят в примерочную с несколькими платьями. — Это слишком.

Виолетта заглядывает ко мне, совершенно не смущаясь моего испуганного вида.

— Это мой подарок будущей жене любимого племянника. Не спорьте со мной, Полиночка. Я в этом возрасте спорю только с врачами и налоговой.

Меня переодевают. Сначала в одно платье — слишком строгое. Потом в другое — слишком открытое, от которого я краснею и категорически отказываюсь выходить. Потом в третье.

Платье оказывается цвета тёплого сливочного крема, мягкое, лёгкое, с аккуратным вырезом и тонким поясом на талии.

Потом меня усаживают в кресло, распускают волосы, расчёсывают, укладывают мягкими волнами. Лёгкий макияж, почти незаметный, только подчёркивает глаза и убирает следы бессонной ночи.

Когда я наконец выхожу, Виолетта замирает.

— А у Богдаши и правда глаз-алмаз! — восклицает она.

— Что? — растерянно спрашиваю я.

— Ничего, милая. Просто вы прекрасны. Очень нежная. Очень настоящая. И совершенно не понимаете, насколько вы красивы. Это редкость.

Я краснею так сильно, что никакой макияж не спасает.

— Спасибо, — шепчу.

— Не благодарите. Просто запомните это состояние. Женщина должна хотя бы иногда видеть себя чужими восхищёнными глазами.

В ресторан мы приезжаем уже ближе к двум. Место оказывается тихим, светлым, с большими окнами и белыми скатертями. Виолетту узнают сразу, провожают к столику у окна, приносят меню и воду с лимоном.

— Здесь потрясающий судак, — сообщает она, раскрывая меню. — И ризотто с белыми грибами. Но главное — десерты. Шеф когда-то был моим любовником, так что я имею моральное право хвалить его кухню с особой страстью.

Я смущаюсь от такой откровенности.

— О, это было давно. Он тогда готовил ужасную пасту и прекрасно целовался. Потом научился готовить. Целоваться, надеюсь, не разучился, но проверять я уже не стану. В моём возрасте надо оставлять людям красивые воспоминания.

Я не выдерживаю и улыбаюсь. И именно в этот момент ощущаю взгляд.

Не знаю, откуда. Просто вдруг между лопатками стано-

вится горячо, будто кто-то касается меня.

Я замираю с бокалом воды в руке. Неприятное ощущение. Словно иголками колют.

Виолетта увлечённо обсуждает с официантом наш заказ, а я уже не могу расслабиться.

Поправляю прядь у лица. Бесполезный жест. Волосы лежат идеально, а вот внутри всё вдруг сбивается с ритма.

Я заставляю себя не оборачиваться сразу. Делаю глоток воды. Ставлю бокал. Слушаю, как Виолетта продолжает что-то говорить про шафран и морепродукты.

Ощущение иголок по позвоночнику не отпускает и я медленно поворачиваю голову. Как будто знаю, откуда этот взгляд исходит. Взмах ресницами и дыхание замирает.

В другом конце зала за столиком сидит Радов. Сидит и смотрит на меня, чуть нахмурившись. Мой взгляд сам скользит в сторону и я вижу, что он сидит не один.

Глава 19. Приставучий фиктивный жених

Стелла сидит напротив меня и что-то рассказывает.

Честно говоря, я не слушаю.

Киваю иногда. Даже, кажется, один раз хмыкаю в нужном месте. Но мысли мои совсем не здесь. Не в этом ресторане. Не за этим столиком. Не рядом со Стеллой.

Я думаю о Канарейкиной.

И это раздражает сильнее, чем Стеллин голос. Потому что я не понимаю, какого чёрта. Вчера я ясно сказал себе: всё под контролем. Сегодня надо было спокойно заняться делами, дожидаться отчёта юристов, заставить Полину подписать договор и дальше действовать по плану.

Но тётя решила иначе.

Виолетта, чтоб её, с утра забрала мою фиктивную невесту и увезла в неизвестном направлении.

«Хочу познакомиться поближе».

«Без твоего мрачного лица».

Тьфу. А чему радоваться-то? Почему у меня должно быть довольное лицо?

А если Полина что-нибудь ляпнет?

Она ведь ляпнет. Канарейкина умеет.

К тому же, нам надо поговорить. Обсудить условия. Так,

надо забрать Канарейкину. Придумать повод. Да что ещё придумывать?! Она на меня работает! Да! Я жду её на работе!

Так и скажу Виолетте.

И собираюсь набрать тётю, как слышу Стеллу:

— Богдаша!

Я вздрагиваю и перевожу взгляд на Стеллу.

Она уже не улыбается.

— Ты меня вообще слушаешь?

— Слушаю, — автоматически отвечаю я.

— Правда? — она прищуривается. — Тогда что я только что сказала?

— Да что за проверки, мать твою? — злюсь я.

Стелла ошарашенно таращится на меня.

— Я сказала, что мне неприятно, когда мужчина зовёт меня на обед, а сам всё время смотрит куда-то мимо. Ты даже не заметил, что я заказала новое вино.

— Стелла...

Потираю переносицу. Нахера согласился с ней встретиться?! Не до неё же сейчас!

Надо как-то избавиться от неё. Сказать, что важная встреча.

Но в этот момент дверь ресторана открывается.

Я не знаю, почему поворачиваю голову. Просто поворачиваю. Как будто кто-то дёргает за невидимую нить.

И вижу Виолетту. Чёрт. Но этого мало. Рядом с ней идёт

девушка.

Канарейкина?!

Да нет. Это не может быть она.

Канарейкина — это серый костюм, тугой пучок, испуганные ресницы и привычка прятать руки в рукавах.

А эта...

Эта идёт рядом с Виолеттой в светлом платье, которое мягко ложится по фигуре, подчёркивая тонкую талию и изгибы, о которых я, оказываясь, имел слишком слабое представление. Волосы распущены, уложены волнами и падают на плечи так, что хочется зарыться в них пальцами и натянуть на кулак. А потом...

Хмурюсь и отвожу взгляд. Что за бред?

Соберись, Богдан! Чёрт.

Взгляд сам поднимается на Канарейкину. Она уже сидит с тётей за столиком. Скольжу взглядом по тонкой фигуре, задерживаюсь на шее.

Не смотреть.

Никому не смотреть.

Полина вдруг замирает. Словно чувствует мой взгляд. Словно он не просто касается её, а ложится на кожу горячей ладонью.

И она медленно поворачивает голову.

Её глаза — большие, тёмные, растерянные сначала, потом в них вспыхивает узнавание. И сразу следом — испуг. О, да! знакомый испуг.

Она видит Стеллу.

Я понимаю это по тому, как меняется её лицо. Едва заметно. Уголки губ чуть опускаются. Взгляд становится холоднее. Будто она тут же захлопывает передо мной дверь, которую я даже не успел открыть.

И почему-то это бесит.

— Богдан? — голос Стеллы возвращает меня в реальность. — Ты куда опять смотришь?

Я медленно перевожу взгляд на неё.

Надо избавиться от Стеллы.

Прямо сейчас. Быстро. Аккуратно. Желательно без визга на весь ресторан, хотя со Стеллой это, конечно, задача повышенной сложности.

— У меня возникло дело, — говорю, отодвигая стул и беря её за локоть.

— Дело? — Стелла хлопает ресницами. — Какое ещё дело? Мы же обедаем.

— Уже нет.

— Ты серьёзно? — её голос становится тонким. — Ты сейчас бросаешь меня за столом?

Блять, мне только скандала тут не хватало!

Чуть ли не силком тащу её к запасному выходу. Благо, в этом ресторане меня знают и никто не останавливает.

— Я оплачиваю счёт и вызываю тебе машину.

— Богдан!

— Стелла, не начинай, — тихо предупреждаю я, наклоня-

ясь к ней. — Не здесь. Давай так. Вечером я приеду к тебе. С подарком приеду!

О да, это точно сработает. Вижу, как загораются глаза Стеллы.

Я делаю знак официанту и прошу его проводить девушку. Возвращаюсь в зал.

Полина сидит, уткнувшись в стол. Делает вид, что слушает тётю. Только пальцы нервно сминают салфетку. Что же ты боишься меня, моя будущую фиктивная жена? Я же хороший. Тебе просто надо дать мне. Ну, в смысле, дать возможность узнать меня получше.

Усмехаюсь.

Ну что ж, Канарейкина.

Поговорим.

К их столику я иду спокойно. Смотрю только на Полину. Она делает вид, что меня не замечает. Сидит рядом с Виолеттой, держит спину ровно, пальцами касается ножки бокала и слушает тётю.

Но я вижу, что замечает. Ещё как.

Пальцы у неё напрягаются. Плечи едва заметно замирают. Губы сжимаются в тонкую линию. Канарейкина готовится к атаке.

— Богдаша? — Виолетта поднимает на меня взгляд. — Какая неожиданность.

— Виолетта, — киваю ей. — Полина.

— А ты какими судьбами здесь? — спрашивает тётя.

— Ну, Виолетта, это не только твой любимый ресторан. Помнишь? Мой тоже. У меня была встреча... с деловым партнёром, — нахожусь я и замечаю, как Канарейкина фыркает.

Хм?

— Мы как раз собирались заказывать десерт, — сообщает Виолетта. — Присоединишься?

— С удовольствием.

И, не спрашивая разрешения у Полины, отодвигаю стул рядом с ней.

Она едва заметно отодвигается. На пару сантиметров. Смешно. Будто эти два сантиметра могут что-то решить.

Сажусь рядом и сразу чувствую её запах. Тот самый. Цитрус с горьким шоколадом.

Виолетта что-то рассказывает. Про книжный магазин. Про старинный сборник. Про то, как Полина спорила с продавцом о пометках на полях. Я вроде бы слышу отдельные слова, но смысл ускользает.

Потому что всё моё внимание — к Полине.

Она красивая.

Не эффектная, как Стелла. Не кричащая. Не нарисованная. Другая, что ли. Мягкая. Нежная. В этом платье она правда похожа на цветок, который случайно поставили среди дорогого фарфора и хрусталя. Живой цветок. Тёплый. Настоящий.

И мне, идиоту, хочется этот цветок тронуть.

Проверить, такая ли кожа тонкая, как кажется. Такая ли тёплая ладонь. Такой ли хрупкой она окажется, если притянуть ближе и сжать.

Я опускаю руку под стол и осторожно нахожу её пальцы.

Полина вздрагивает. Потом резко выдёргивает руку и кладёт её на колени, сцепив пальцы в замок.

Даже не смотрит на меня.

Ах так?

— Полина сегодня прекрасно выглядит, правда? — вдруг произносит Виолетта.

— Прекрасно, — отвечаю, не отрывая взгляда от Полины.

— Очень. Моя будущая жена просто красавица.

Полина краснеет. И вот это уже лучше. Гораздо лучше, чем её ледяная отстранённость.

Щёки покрываются румянцем и венка на тонкой шейке стучит так, что я прямо чувствую её волнение. Что такое?

И пиздец как хочется дотронуться до неё. Губами провести. Или языком.

Сука. Как не вовремя.

Шире расставляю ноги, чтобы хоть немного уменьшить давление на член, который, сука, вдруг решил напомнить о себе! Не при Стелле! А здесь, за столом, рядом с Виолеттой и... Канарейкиной?

Кошусь на неё. Сидит как памятник. А мне хочется сжать её и встряхнуть. И...

Кладу руку на спинку её стула и как бы невзначай касаюсь

пальцами её плеча.

Полина ещё больше напрягается. А я медленно провожу пальцами по голому плечу. Кожа такая нежная.

Я улыбаюсь для Виолетты и чуть сильнее обнимаю Полину за плечи.

— Виолетта, ты права, — говорю громче. — Полина сегодня невероятная.

— Богдан Романович, — Полина резко поднимается.

На лице у неё всё ещё вежливая улыбка, но взгляд!

— Извините, мне нужно в туалет, — произносит она слишком спокойно.

— Конечно, милая, — первой отвечает Виолетта.

Полина кивает ей, ни разу не смотрит на меня и почти убегает от столика.

Поиграем в «догонялки», Полина? Что ж... если тебя это заводит...

Глава 20. Потребности

Я не знаю, сколько времени провожу в туалете. Пытаюсь успокоиться и взять себя в руки.

Радов, блин. Что он тут забыл? Ах да, у него же встреча с его девушкой. И надо же было им сюда припереться!

Не знаю, в этом платье я чувствую себя неуверенно. И волосы хочется собрать! Не моё это! Зря я согласилась.

Нет, платье, конечно, красивое, но... теперь Радов так на меня смотрит! Ну, мне страшно, да. Руки распускает.

Так. Сейчас я выйду, скажу Виолетте Аркадьевне, что мне стало плохо и уйду. Да. Пусть Радов с тётей своей обедает.

Смотрю в последний раз на себя в зеркало и решительно выхожу. И... моя решительность тут же куда-то деваётся.

Потому что, стоит мне ступить в коридор, как меня грубо хватают за руку и дёргают.

Радов.

Он куда-то тащит меня!

— Эй! Вы чего?! Что вы делаете?! Куда вы меня тащите?!

— бью его по запястью.

Вообще не реагирует. Подходим к двери. Он открывает её и выходит вместе со мной.

— Да что происходит-то?! — бью его уже сильнее.

Радов резко тормозит и оборачивается. Я с разбега впечатываюсь ему в грудь. Тут же отскакиваю под его усмешку.

— Куда вы меня тащите? — спрашиваю строго.

— Ты забыла? Мы не договорили, не обсудили договор. Или... ты решила играть роль моей невесты без договора? — выгибает бровь и пальцами заправляет мою прядь волос, выбившуюся от бега.

Отдёргиваю голову.

— Нет, конечно! Только с договором! Но я обедала с вашей тётей! А вы! Вы просто схватили и выкрали меня! — возмущаюсь я.

— Не переживай. Я сказал Виолетте, что безумно соскучился по своей будущей жёнушке и хочу провести с ней время, — играет бровями.

Пф.

— Не фыркай. Садись давай, — открывает дверь и даже толкает меня в машину. — Поехали договор заключать, что ли.

И как будто нечаянно его рука с моего локтя сползает вниз и касается моей попы!

Резко оборачиваюсь и вижу его как будто невинную, но очень наглую улыбку. Толкаю его от себя и сажусь.

Ужасно! Я вынуждена терпеть этого наглеца! Надо всё чётко прописать в договоре, всё проверить!

Рядом захлопывает дверь и тоже садится. Довольный такой.

Заводит машину и мы трогаемся.

— Как тебе Виолетта? — спрашивает он.

— Очень хорошая у вас тётя. Даже странно...

— Что странно, Полина?

— Как вы можете быть племянником такой хорошей женщины? — говорю прямо.

Хмурится и губы сжимает.

— Что же, я, по-твоему, такой плохой? — цедит недовольно.

Молчу.

— Надеюсь, ты вела себя предусмотрительно и Виолетта ни о чём не догадалась? — продолжает Радов.

— Я — да. А вы?

Удивлённо вздёргивает брови и бросает на меня короткий взгляд.

— Я же просила вас не общаться пока с вашими бесконечными женщинами, — бросаю ему. — Вы подставите нас обоих!

— Хм. Ты только из-за этого злишься? Или ревнуешь? — усмехается он.

— Вы серьёзно? Я просто не хочу, чтобы ваша тётя всё поняла. А вы... вы совсем об этом не думаете!

— Ну, знаешь ли, Полина, — он снова лыбится. Ему будто бы нравится этот наш разговор, — я взрослый и здоровый мужчина и у меня есть потребности.

Складываю руки на груди и фыркаю. Отворачиваюсь от него.

— Чего фыркаешь? У тебя тоже такие потребности есть,

если что. Можем, кстати, помочь друг другу.

— В чём? — резко поворачиваюсь к нему и зло зыркаю в эту самодовольную физиономию.

— А, вот, в чём и как, сейчас обсудим с тобой. Выходи, приехали, — и он тормозит машину.

Смотрю в окно. Мы не около офиса. И не около его дома. Где мы?

Глава 21. Договор

— Где мы? — спрашивает Канарейкина, когда я помогаю ей выйти.

— Это офис моего приятеля. Адвоката. Ты же хотела подписать договор? — отвечаю с улыбкой.

Наивная девочка. Договор хочет. Впрочем... мне он тоже нужен. После нашего фиктивного развода она не должна претендовать ни на что моё.

А фиктивный брак... ну, это обещает быть забавным. Мне уже нравится эта идея.

Григорий уже ждёт нас.

Заходим в его кабинет и он вначале даже замирает. С интересом смотрит на Полину. Мне не нравится.

— Привет, Григорий. Договор готов? — спрашиваю я.

— Да, Богдан, готов. Всё учтено, как ты просил. Наверное, надо дать время твоей будущей жене ознакомиться? — и он с улыбкой смотрит на Полину. — Григорий, — протягивает ей руку.

— Полина, — отвечает она.

— Полина, вы прекрасны. Не знаю, говорил ли вам об этом Богдан, но это так.

— Может, к делу перейдём? — хмуро прерываю я этот обмен любезностями. — У меня времени нет. Полин, — поворачиваюсь к растерянной девчонке, — ты читать будешь

договор? Или... Там всё учтено, можешь не переживать. Без обмана.

— Я бы хотела лично удостовериться, — отвечает она.

Нет, ну, правильно, девочка не глупая.

Мы с Гришей оставляем Полину одну, чтобы не мешать и уходим в переговорную попить кофе.

— Слушай, Богдан, ты серьёзно вообще? — усмехается Григорий, когда мы остаёмся одни.

— Ты о чём?

— Ты собираешься заключать фиктивный брак с такой девочкой? — он дёргает бровью.

— А что тебя смущает? — хмурюсь я.

— Меня? меня — ничего. Кроме того, что с такой девочкой надо по-настоящему мутить, — подмигивает мне. — Красивая.

— Гриш.

— Я женат, Богдан. И жену свою люблю. Просто... странно это всё... Красавица же. Неужели ты не видишь?

Тоже мне. Вижу, конечно.

— И? — хмуро смотрю на него. — Что это должно изменить? Мне нужна фиктивная жена, Гриш. Для остального... ну, у меня нет с этим проблем, — хмыкаю.

— Это понятно. Да тут и девочка видно, что не такая, — усмехается он.

— Какая «не такая»? — фыркаю я.

— Ну, не такая. Сам понимаешь. Ты сам всё прекрасно

видишь и понимаешь. Не получится с ней, как с этими твоими.

— Да с чего ты так уверен-то?! — горячусь я и сам не понимаю, почему. — Просто я не хочу мешать всё в кучу! Полина мне нужна для прикрытия от тётки. И всё!

— Ну-ну. Надеюсь, не обидишь девочку.

— Хм. Ты считаешь, что та сумма, которую я ей предлагаю, недостаточна для покрытия её обид? — ухмыляюсь я.

— Ты понял, о чём я, Богдан.

— Ты чего мне тут лекции по хорошему поведению читаешь?

— Да жалко девчонку будет просто. Не такая она. Вижу я. Опыта хватает, чтобы это понять.

— Пустой разговор, — злюсь я. — Давай закончим. Мы здесь, чтобы подписать договор. И хватит о другом.

Григорий пожимает плечами и усмехается и мы переключаемся на другую тему.

Через какое-то время звонит его секретарь и говорит, что девушка готова.

Что ж, я давно готов.

Возвращаемся в кабинет.

— Ну, что, Полина? Что скажешь? — с улыбкой спрашиваю я.

Канарейкина смотрит на меня так, будто я только что положил перед ней не договор, а приговор.

— Я хочу внести дополнения, — произносит она.

— Дополнения? — переспрашивает Гриша. — Разумеется. Для этого мы и собрались.

Полина кивает, но на Гришу почти не смотрит. Всё равно смотрит на меня.

— Первое, — говорит она, делая вдох. — Никаких поцелуев.

Гриша кашляет в кулак. Я медленно поднимаю брови.

— Совсем никаких? — уточняю я, пряча ухмылку.

— Совсем, — отрезает Полина. — Ни на публике, ни без публики. Никаких внезапных касаний. Никаких попыток проверить, насколько убедительно мы играем пару. Никакого «это для дела». Всё должно быть чётко прописано.

— Серьёзная у тебя невеста, Богдан Романович, — замечает Гриша. — Редко кто так внимательно относится к пункту о личных границах.

— Фиктивная, — поправляет Полина. — Второе. Отдельная спальня. Дверь с замком.

Гриша чуть не давится смешком, а я, наоборот, хмурюсь.

— Есть ещё что-то? — спрашивает Гриша.

— Никаких отношений со Стеллой и ей подобных, — говорит она уже тише, но твёрдо. — Я не собираюсь выглядеть смешно.

Гриша переводит взгляд на меня, как бы спрашивая. Я киваю.

Итоговый документ Полина читает так внимательно, будто ищет ловушку между строк.

И правильно ищет. Я бы на её месте тоже не доверял мне.

Через сорок минут всё готово. Три экземпляра. Подписи. Печать. Гриша убирает один договор в папку, второй отдаёт Полине, третий кладёт передо мной.

Полина ставит подпись последней. Осторожно, будто ручка может укусить.

— Поздравляю, — усмехается Григорий. — Вы теперь почти женаты. Без поцелуев и прочего. Самый скучный брак десятилетия.

— Именно на это я и рассчитываю, — отвечает Полина и встаёт. — Если всё, я поеду домой.

— Не поедешь, — говорю сразу.

Она медленно поворачивается ко мне.

— Ты не забыла, что ещё работаешь у меня? — выгибаю бровь.

— Я сегодня не должна работать. Виолетта Аркадьевна сказала...

— Виолетта Аркадьевна не руководит моим офисом, — отрезаю.

Гриша снова усмехается.

Полина хочет возразить. Вижу по глазам. Но потом сжимает губы, прижимает папку к груди и молча идёт к двери.

Умница.

В офис мы приезжаем через полчаса. Полина всю дорогу молчит и смотрит в окно. В новом платье, с распущенными волосами, с этой дурацкой папкой на коленях она выглядит

совсем не как моя прежняя секретарша.

И это бесит.

Потому что теперь её замечают все.

В холле охранник провожает её взглядом слишком долго. В лифте какой-то менеджер из отдела продаж пялится так откровенно, что мне приходится посмотреть на него всего один раз. Сразу отворачивается.

В кабинете я кидаю на стол папку с проектом и указываю Полине на место за моим рабочим столом.

— Садись.

— За ваш стол?

— Да. Так будет удобнее. И, кстати, Полин, давай завяжывай с «вы». Переходим на «ты». Так? Иначе это выглядит просто нелепо! И называй меня Богдан. Ясно?

— Я попробую, — молча кивает.

— Уверен, у тебя получится, — улыбаюсь я и отодвигаю кресло, чтобы она села.

Садится. Раскрывает файлы, быстро пробегает глазами таблицы, задаёт пару точных вопросов по смете и срокам. И я снова ловлю себя на мысли, что Канарейкина умнее, чем должна быть обычная секретарша.

Пока она там что-то высчитывает, я наблюдаю за ней. Волосы такие мягкие, наверное. И на кулак мой отлично накрутятся. Запах этот... Невольно глубже вдыхаю.

— Здесь ошибка, — говорит вдруг Полина. — Если мы берём данные по третьему кварталу, то коэффициент надо

пересчитать. Иначе маржа получится завышенной.

Я наклоняюсь над ней, опираясь ладонью о стол рядом с клавиатурой.

— Где?

Она показывает. Тонкий палец движется по строке. Я смотрю на экран ровно три секунды. Потом уже не на экран.

На её волосы. На открытое ухо. На тонкую линию шеи.

Мне хочется коснуться. Просто убрать выбившуюся прядь. Проверить, такая ли мягкая кожа у неё, как кажется. Бред. Полный бред. В договоре час назад чёрным по белому: никаких касаний.

А мне хочется именно коснуться.

Полина замирает. Я чувствую это сразу. Плечи становятся напряжёнными, пальцы перестают двигаться по клавиатуре. Она не оборачивается, но я вижу, как часто поднимается и опускается её грудь.

— Богдан Романович, — произносит она тихо. — Вы слишком близко.

Да, слишком. И я прекрасно это понимаю.

Но вместо того, чтобы отойти, наклоняюсь ещё ниже.

— Не Богдан Романович, а Богдан. Ошибка где, Полина? — спрашиваю почти ей в ухо.

Она едва заметно вздрагивает. Но мне достаточно. Я чувствую её напряжение, её неловкость, её попытку не поддаться панике. И вместо того, чтобы остановиться, зависаю над ней ещё ближе.

Губы почти касаются её ушка.

Она резко втягивает воздух.

— В договоре... — начинает она.

Стук в дверь раздаётся так внезапно, что Полина дёргается всем телом, а я медленно выпрямляюсь.

— Войдите! — рявкаю я зло.

Дверь открывается, и на пороге появляется Аркашка. Тьфу, блять.

Глава 22. Женька

— Не помешал? — взгляд мужчины сразу же устремляется на меня.

И он так смотрит. Словно оценивает и прикидывает что-то у себя в голове.

— Аркадий, не ждал, — Радов, наконец, выпрямляется и я хотя бы вздохнуть могу.

Щёки пылают. Я прямо чувствую это.

Опускаю взгляд на бумаги.

— Да, вот, мимо ехал и решил провести братца, — ухмыляется мужчина и проходит без приглашения. — Познакомишь?

— Конечно. Это Полина, моя невеста и ты, Аркадий, очень не вовремя, — в голосе Радова скользит нескрываемое недовольство.

— Невеста... а я думал, Виолетта пиздит как обычно, — мужчина плюхается в кресло. — Что ж, Полина, приятно познакомиться. Аркадий, какой-то там юродный брат вашего жениха, — и он протягивает мне руку.

Смотрю на неё, потом поднимаю взгляд на мужчину. Почему он мне неприятен? Я же его и не знаю даже. Но неприятен до жути. И руку его жать я не хочу!

На помощь мне приходит Радов.

— Полина, давай тогда потом закончим наши дела, — он

берёт мою руку и подносит к своим губам. Сам при этом смотрит на ухмыляющегося Аркадия, который убирает свою руку.

Губы Радова касаются моей ладони и она невольно вздрагивает от этого внезапного прикосновения.

— Водитель отвезёт тебя домой, — говорит мне Радов с улыбкой. — Я вечером заеду. Хорошо?

Киваю, хотя вечером я его не очень жду. Надеюсь, он говорит это для своего брата.

Мне надо одной побыть. Подумать. Что-то неправильное происходит. Неправильное.

Радов тем временем берёт меня за руку и ведёт к двери. Выходим в приёмную.

— Ты чего, Полин? Испугалась? — пристально смотрит мне в глаза. — Это Аркашка. Он ничего не поймёт, не бойся. Я вечером заеду.

— Зачем?

— Хм. Ну, во-первых, мы не договорили, а, во-вторых... во-вторых, я хочу провести время со своей будущей женой. Узнать тебя получше, так сказать. Чтобы всё было правдоподобно. Ты же не хочешь, чтобы нас раскрыли?

Мотаю головой.

— Вот и я не хочу, — улыбается уголком губ. — Поэтому до вечера, — и он наклоняется, как будто хочет поцеловать меня.

Но ведь никого нет! Не перед кем играть!

Я уворачиваюсь и отхожу к столу.

Радов усмехается и засовывает руку в карман брюк, а второй рукой потирает подбородок, глядя на меня.

— Богдан! Долго там ещё? — окликает его мужчина из кабинета и Радов, зачем-то подмигнув мне, разворачивается и уходит.

Водитель отвозит меня домой. Я переодеваюсь в джинсы и майку и аккуратно складываю платье. Может, вернуть его? Неуютно от таких подарков.

Чтобы как-то отвлечься, я решила почитать томик стихов, который подарила мне Виолетта Аркадьевна. Такой дорогой подарок. Ещё один. Я бы сама никогда не смогла позволить себе это издание.

С трепетом достаю его из сумочки и не сразу открываю. Сначала просто глажу по старинной обложке. Невольно улыбаюсь.

Открываю и окунаюсь в мир, где правят романтика и чувства. Не как в реальной жизни.

Чтение всегда помогает мне отвлечься и я не замечаю, как наступает вечер. И только сейчас понимаю, что Женьки до сих пор нет. Где он?

Набираю его номер. Сначала никто не отвечает. Я повторяю и только на третий звонок слышу незнакомый, немного грубоватый мужской голос.

— Алло!

— Здравствуйте. Я, наверное, ошиблась. Это же не Женя?

— несмело уточняя я.

— А вы кем ему приходитесь?

— Сестра, — я холодею, сжимая трубку так сильно, что белеют пальцы. — Где мой брат? Что с ним?

— Избили... сильно. Он в третьей городской.

Мир вокруг меня покачивается. Женька!

Я не помню, как вызываю такси, как натягиваю кроссовки и выбегаю из дома. Всю дорогу до больницы я кусаю губы до крови, молясь только об одном: чтобы брат был жив.

Третья городская встречает меня удушливым запахом хлорки, облупившейся краской на стенах и гнетущей суетой. Кое-как узнав, где Женька, бегу вверх по лестнице в травматологическое отделение.

Около палаты стоят двое мужчин — плотные, стриженные под ноль, в кожаных куртках. Один из них лениво крутит в руках ключи от машины, а второй говорит по телефону, цедя слова сквозь зубы: «Да, Михалыч, щегол тут. Сейчас врачи его оформят на выписку, мы его сами доставим куда надо. Не переживай, за тачку он у нас почкой расплатится».

У меня перехватывает дыхание от ужаса. Я рвусь к палате, но один из мужчин преграждает мне путь, выставляя руку.

— Сюда нельзя, девочка. Там больной отдыхает.

— Я его сестра! Пропустите меня! — кричу я, чувствуя, как внутри все дрожит от бессилия.

— Сестра? Отлично, — ухмыляется тот, что повыше. — Твой брат тачку нашего босса в хлам разбил. Двести тысяч

долларов. Либо вы сейчас подписываете бумагу, что он взял машину без спроса и обязуется выплатить ущерб, либо... пацан уедет отсюда не домой, а на зону. И поверь, живым он туда не доедет.

Из палаты слышится писк приборов и хрипы.

Мимо проходит врач, демонстративно отворачиваясь.

Я остаюсь одна. Против бандитов, против равнодушной системы, против всего мира. А там, за дверью палаты лежит мой брат. Моя единственная родная кровь. Лежит и...

Рука сама лезет в сумочку и достаёт телефон. Судорожно листаю контакты, пока взгляд не зацепляется за одно имя.

Богдан Радов.

Глава 23. Спаситель

Радов отвечает почти сразу:

— Да, Полина. Уже соскучилась? Я скоро буду, — так и слышу его ухмылку.

Зажмуриваюсь, набираясь сил.

— Богдан Романович, — голос срывается на хриплый шёпот, — Женька... — и я всхлипываю.

— Что случилось, Полина? — голос Радова вмиг становится серьёзным. Даже немного жёстким. — Полина, ты где?

— Я в больнице. Женьку избили... сильно... — шмыгаю носом, вытирая слезу со щёки. — Тут какие-то люди, они угрожают... требуют деньги. Мне страшно, Богдан Романович, и я... я не знаю больше кому позвонить... — признаюсь совсем тихо.

Он ведь может послать меня. конечно, может. С какой стати он должен решать мои проблемы? В договоре нет таких условий. Зачем ему эти проблемы? Наверняка у него уже планы на вечер. А тут я... со своими проблемами. И тишина на том конце словно подтверждает мои мысли.

Что делать тогда?

— Так, Полина, — его голос звучит собранно и жёстко. — Ни с кем не разговаривай, ничего не подписывай. Поняла? В какой ты больнице?

— В третьей городской. Богдан Романович...

— Ни с кем не разговаривай. Поняла? Иди пока... к охраннику иди и там жди меня. Я еду.

Минуты ожидания превращаются в ад. Я стою у облупившейся стены больничного коридора, сжимая в руках бесполезный мобильный. Каждый шаг проходящих мимо врачей заставляет сердце испуганно сжиматься, а громилы у палаты продолжают лениво переговариваться, то и дело бросая на меня взгляды.

Женька... Господи, только бы с ним всё было хорошо. Внутри всё горит от страха за брата и собственного бессилия перед этими людьми.

Когда в конце коридора показывается высокая фигура Радова, у меня подкашиваются колени. Он идёт быстро, уверенно, на ходу застёгивая пиджак, а за его спиной бесшумно следуют двое крепких мужчин в строгих костюмах.

Я срываюсь с места и бегу к нему. Богдан перехватывает меня, крепко прижимая к себе на секунду.

— Тихо, Полина, я здесь, — негромко говорит он и тут же оборачивается к своему человеку. — Дима, уведи её в машину.

— Нет! Нет, Богдан, я не уйду! Там Женька, я должна к нему! — я пытаюсь вырваться, но он мягко, но крепко перехватывает мои запястья.

— Полина, послушай меня, — он заглядывает мне прямо в глаза, заставляя сфокусироваться. — Тебе здесь делать нечего. Иди в машину. Я сейчас со всем разберусь и приду

к тебе. Обещаю. Иди.

Его тон не терпит возражений. Водитель аккуратно берёт меня за локоть и уводит к выходу.

В салоне Радовской машины время как будто останавливается. Я сижу на заднем сиденье, обхватив себя руками, и переживаю ещё сильнее. Каждая секунда кажется вечностью. Что он там делает? А если эти уроды вооружены? Если они полезут в драку? Я то и дело всматриваюсь в стеклянные двери больницы, кусая губы.

Сколько времени проходит? Кажется, что целая вечность.

Наконец, двери распахиваются, и на крыльцо выходит Радов. Один.

Я пулей выскакиваю из машины, наплевав на пытающегося меня остановить водителя, и бросаюсь к нему. Богдан ловит меня в охапку. Я утыкаюсь лицом в его грудь и окончательно срываюсь.

— Женька... пустите меня к нему, пожалуйста! — рвусь я обратно в приёмный покой.

— Тише, Полина, тихо, — Радов гладит меня по спине, прижимая всё сильнее, пока я не затихаю, содрогаясь от рыданий. — Всё хорошо. Я всё решил.

— Правда?.. — я поднимаю на него заплаканное лицо.

— Да. С этими уродами уже разбираются мои люди, больше они к твоему брату и на километр не подойдут. А Женьку завтра с утра перевезут в нормальную частную клинику моего знакомого. Там хорошие врачи, Полин. Завтра его на-

вестишь. Сейчас к нему всё равно не пустят, он под капельницами спит.

— Но я хочу его видеть! С ним точно всё в порядке? Ему ничего не сделают плохого?

— С Женей всё хорошо будет, — спокойно отвечает он. Держит меня за плечи и смотрит в глаза. — У меня есть друг и он очень хороший доктор. У него своя клиника. Завтра ты сможешь навестить брата. Обещаю.

В его глазах столько уверенности и спокойствия, что я верю каждому его слову. Мне нужно это сейчас. Я устала всё одна делать. Реально устала.

— Спасибо вам... — шепчу я сквозь слёзы.

Богдан доводит меня до машины, открывает дверцу и усаживает на заднее сиденье. Садится рядом и коротко машет водителю:

— Поехали.

Машина плавно трогается с места.

Я прижимаюсь лбом к холодному боковому стеклу, погружаясь в свои мысли. Внутри как будто всё выжжено дотла. Главное, чтобы с Женькой всё было хорошо.

Мигающие огни вечернего города расплываются перед глазами. Лишь спустя минут пятнадцать я, наконец, немного очухиваюсь от шока, оглядываюсь по сторонам и с недоумением понимаю, что за окном мелькают совершенно незнакомые улицы. Мы едем явно не в сторону моего дома.

— Богдан Романович... — тихо зову я, поворачивая к

нему голову. — А куда мы едем?

Машина как раз сворачивает с шоссе и останавливается перед массивными коваными воротами. И я узнаю этот дом.

— Нет... Богдан Романович, пожалуйста, — шепчу я, качая головой. — Отвезите меня домой. Я хочу к себе.

Он выходит, обходит машину, открывает мою дверцу и протягивает руку. На улице прохладно, и этот сквозняк сразу приводит меня в чувство. Я не решаюсь выйти. Вжимаюсь вглубь салона, глядя на него снизу вверх.

— Полина, выходи, — мягко, но настойчиво велит он.

— Зачем мы приехали сюда? Я хочу домой. Я должна быть дома.

Радов тяжело вздыхает и наклоняется чуть ближе, опираясь ладонью о крышу машины.

— Тебе сейчас нельзя одной оставаться, Полина, — говорит он тихо, глядя мне прямо в глаза. — Ты себя видела? Тебя же до сих пор трясёт. Дома ты себя изведёшь мыслями о брате. А здесь ты под присмотром. Переночуешь у меня, выспишься, а завтра с утра я сам отвезу тебя к Женьке в клинику.

— Но...

— И перестань сжиматься, будто я тебя съесть собираюсь, — перебивает он и в уголках его губ снова мелькает привычная нагловатая усмешка. — Помнишь наш договор? Отдельная спальня, дверь с замком. Я свои обещания держу. Тебе не надо меня бояться.

Я смотрю на его протянутую ладонь. С одной стороны, мне безумно страшно оставаться в его огромном доме с ним наедине. С другой... он прав. Одной в пустой квартире мне сейчас просто разорвёт мозг от переживаний.

Не дожидаясь, пока я окончательно решусь, Радов перехватывает мою ладонь и осторожно, но крепко тянет меня за руку на себя, заставляя выйти из машины. На мгновение я оказываюсь слишком близко к нему, чувствуя исходящее от его тела тепло. Боюсь поднять на него взгляд.

Забираю свою руку и отхожу. Кажется, слышу лёгкую усмешку.

— Пойдём, будущая жена. Нам обоим нужно выпить... чаю и лечь спать.

Глава 24. Соблазнитель

— Проходи, чего стоишь? — кидает мне Радов, когда мы оказываемся в доме. — Не бойся, мы тут одни. Виолетты нет. Да, мы одни и именно этого я и боюсь.

— Полин, — он подходит ко мне и берёт за руку, — я тебе обещаю, что с твоим непутёвым братом всё будет хорошо. А тебе надо успокоиться. Ну? А то завтра поедем к нему и ты его напугаешь своим невыспавшимся и заплаканным видом. Проходи. Ты, конечно же, не ужинала?

— Я и не хочу, — мотаю головой.

— Ну, тогда просто составишь мне компанию, — улыбается Радов. — Пойдём.

Тянет меня за руку вглубь дома. Оказываемся на кухне.

— Садись, — заботливо отодвигает высокий барный стул и помогает усесться на него. — Значит есть не хочешь. Тогда давай чаю? Будешь?

Киваю.

— Отлично. Где у нас тут чай? — и он начинает искать по шкафам.

Это же его дом. Он что, не знает, где у него чай? Наконец, находит.

— Жасминовый есть. Будешь?

— А Виолетта Аркадьевна? Где она? — вдруг спрашиваю я.

— Она сегодня у подружки заночует. Давно не виделись, в гости к ней поехала, ну и переночует там.

Легонько киваю.

— Виолетта — мировая тётка! — с улыбкой произносит Радов, скидывая пиджак и расстёгивая верхние пуговицы рубашки. И рукава расстёгивает и закатывает их. — Можно сказать, что она заменила мне родителей. Люблю её! Хотя иногда она и удивляет меня своими взбалмошными решениями! Вот, как, например, с женитьбой этой! — усмехается.

— Почему вы ей правду не скажете?

— Какую, Полин?

— Ну, что не хотите жениться? Разве это так важно?

— Ну, для Виолетты да, важно. Она думает, что брак заставит меня стать серьёзным.

— А почему вы не женитесь на той девушке? Ну, с которой встречаетесь? — этот вопрос вылетает из меня раньше, чем я думаю, что не стоит его задавать. Прикусываю губу, пожалев.

— Стелла? Ты о ней? Она ну... как бы сказать тебе, — чешет пальцами кончик носа, — не для семьи она, в общем.

Опускаю взгляд и мне кажется, у меня опять щёки краснеют. Ну, что за противная привычка!

— Так. Чай! — Радов резко меняет тему разговора.

Ставит чайник и заваривает чай. По кухне разносится обалденный аромат жасмина. Радов ставит передо мной чашку, а сам достаёт что-то из холодильника и разогревает

в микроволновке.

— Ужин холостяка, — хмыкает он. — Полин, а Женька твой часто в такие передрыги попадает, да? Он прямо ищет их как будто! Тяжело тебе с ним, да?

— Да нет, Женя, он хороший! Горячий просто, эмоциональный. Но он хороший. И учится хорошо. Только, вот... — и вздыхаю. — Он подработать хотел. Устроился охранником на парковке. Я не знаю, что там произошло, но не мог он машину повредить. Не мог! — смотрю в глаза Радову. — А они его избили... у меня же нет больше никого... только, вот, он...

Отвожу взгляд в сторону и ладошкой стираю слёзы со щёки. Женька, как он там?

И тут ощущаю сильную ладонь Радова, лежащую на моё плечо. Он встаёт рядом и прижимает меня к себе. За затылок прижимает к груди. И я слышу стук его сердца. И от этого мне становится только хуже. Слёзы так и катятся.

Я правда пытаюсь успокоиться, но не могу.

— Не надо, Полин, — его шёпот прямо на моей макушке. Обжигает голову. — Всё хорошо будет. Теперь у ебя не только Женя есть. Теперь у тебя и я есть. Ну? Не плачь.

И он пальцами берёт меня за подбородок и поднимает лицо. Заставляет посмотреть на него. А потом большим пальцем стирает слезу со щеки. Мягко так проводит. Медленно и нежно.

Смотрю ему в глаза. Он больше не улыбается. И пальцы

не отпускает. Так и держит меня за подбородок.

— Такая красивая девочка не должна плакать, — уже тихо произносит он и наклоняет своё лицо ко мне. — Я не дам тебя в обиду. Никому.

Короткий выдох и... звонок телефона пререзает повисшее между нами напряжение и я резко отстраняюсь, стряхивая его пальцы с себя.

Радов матерится и достаёт телефон из кармана. Нахмурившись, смотрит на экран.

— Я сейчас, — бросает мне и выходит.

А я сижу и понять не могу. Это что сейчас было?

Почему я не оттолкнула его сразу? Что со мной происходит? А с ним?

Из-за двери слышу голос Радова. Он словно с кем-то спорит, говорит жёстко.

Я прикладываю руки к щекам и чувствую, как они пылают. Зачем я сюда приехала? Зачем согласилась? Мы тут одни. Хотя... я ведь просто накручиваю себя. У нас договор. Отдельная комната. Надо перестать накручивать себя. Это всё из-за стресса.

Дверь открывается и Радов возвращается на кухню.

— Прости, — говорит он, садясь обратно напротив меня. — Дела.

Киваю и обхватываю пальцами чашку с остывающим чаем. Мне нужно, чтобы он сел подальше. Мне нужно, чтобы этот вечер уже закончился.

— Знаешь, что я подумал, пока говорил там? — произносит он тихо.

— Что?

— Что ты сегодня держалась храбрее половины взрослых мужиков, которых я знаю.

— Я просто испугалась, — отвечаю резче, чем хотела. — Очень испугалась, Богдан Романович. Не героизмовала.

— Опять «Романович», — качает головой. — Мы же договорились. Привыкай, Полина. А то выдашь нас перед Виолеттой. Богдан. Да?

Встаёт и обходит стойку. Останавливается за моей спиной. Я вся напрягаюсь и чуть ли не вздрагиваю, когда его руки ложатся на мои плечи. Выпрямляюсь, словно у меня вместо позвоночника жердь.

А Радов не только не убирает руки, он начинает как будто массировать мои плечи. Мягко надавливает пальцами на напряжённые мышцы, поглаживает.

Это приятно. Но...

Я вожу плечами, пытаюсь скинуть его руки с себя.

— В договоре никаких касаний, — стараюсь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Разве это касание? — мягко произносит он. — Я даже не дотронулся до кожи, Полин. Я просто помогаю тебе расслабиться. У тебя был трудный день...

И снова сминает мои плечи. Чуть сильнее, но от этого только приятнее. А потом кончики его пальцев касаются мо-

ей шеи. Кожи.

Замираю. Это же случайное прикосновение? Он сказал, что не касается кожи.

Но нет, Радов, словно проверяя, не убирает пальцы. Наоборот, ведёт ими по моей коже. Ещё выше.

Я вскакиваю и поворачиваюсь к нему лицом.

Нет привычной ухмылки. Лицо такое серьёзное. А взгляд... он как будто насквозь прожигает. И этот взгляд — это самое страшное сейчас. Потому что он и пугает, но и отвести глаз невозможно от него. Он как будто не отпускает. Держит меня.

— Мне надо домой, — говорю я.

— Это теперь твой дом, Полина, — смотрит мне в глаза, а сам берёт мою ладонь.

Пытаюсь забрать её, но он удерживает.

— Мы ещё не поженились, — спору я.

— Это формальность. Договор подписан. Ты уже официально представлена как моя будущая жена. Так что...

И он одним пальцем убирает выбившуюся прядь волос мне за ухо. Опять касается меня.

Его палец задерживается у моего уха дольше, чем нужно. Не убирает руку.

— Богдан, — я всё-таки заставляю себя отступить на шаг, вытащить ладонь из его руки. — Так не пойдёт. У нас договор.

— Договор, — не спорит он.

— Это всё... неправильно.

— А ты всегда только правильные вещи делаешь? — голос у него тихий, почти ласковый, и от этого спорить с ним только труднее.

Он поднимает руку — медленно, давая мне время отстраниться, отвернуться, сказать «нет». Я не двигаюсь. Кончиками пальцев он проводит по моей щеке, вниз, к подбородку.

— Знаешь, что самое смешное, Полин? — говорит он тихо. — Я подписал этот договор, чтобы обмануть тётку. А теперь стою тут и думаю только об одном — как бы обмануть тебя.

— Не смешно, — с опаской смотрю на него.

Лучше бы он ухмылялся как обычно. Лучше бы был тем Радовым, которого я знаю. Но он не улыбается, не хмыкает. Он слишком серьёзный. И от этого ещё страшнее.

— Не смешно, — соглашается он. — Совсем не смешно.

Его большой палец останавливается на моей нижней губе. Не давит, просто касается, медленно проводит по контуру, и я чувствую, что перестаю дышать.

Стоп, Полина! Это над остановить! Надо!

Потому что это... неправильно это...

Но тело словно сковано. Я просто стою перед ним и пытаюсь понять свои ощущения.

Хочу отступить, но Радов вдруг кладёт руки мне на талию и не отпускает. Удерживает.

Я упираюсь ладонями в его грудь. Как быстро бьётся у

него сердце! Да и моё от страха сорвалось на спринт.

Договор, Полина. Отдельная комната. Никаких поцелуев.

Да, я помню. Я смогу.

Глава 25. Я хочу тебя

Я не понимаю, что творю. Всё идёт совсем не так, как задумывалось.

Одна маленькая наивная Канарейкина и идеальный контракт. Всё.

Но сейчас в моих руках дрожащее то и от страха, то ли от того, что я делаю, тело и я понимаю, что не хочу отпускать её. Ни домой, ни из своих рук.

Да я хочу её! Как бы абсурдно это ни звучало. Да, я хочу свою будущую фиктивную жену.

Почему? Да какая разница?! Главное, что хочу. И она здесь.

Сильнее сжимаю пальцы на её тонкой талии, чтобы не вырвалась. Наклоняю голову и снова вдыхаю её аромат. Уже знакомый. Тянусь к губам, прикрывая зачем-то глаза, и девочка пользуется этим.

Выскальзывает из моих рук и отбегает. Встаёт с другого конца стола и испуганно смотрит на меня.

— Зачем вы? — шепчет дрожащими губами.

Смотрю на них и облизываю свои. Хочу снова их вкус попробовать.

— Мы же договорились с вами, — упрямо произносит Полина и обнимает себя. — Если вы так, то я... я не хочу договор тогда! Давайте всё отменим! — и смотрит с надеждой.

Ну, конечно! Я только в азарт вошёл. Какая нахрен отмена?! Я же не успокоюсь, пока не попробую тебя, девочка.

— Отменить нельзя, — говорю серьёзно. — Всё подписано. К тому же твой братец...

Пиу! Это сразу срабатывает. Конечно, Полина слишком любит этого придурка, своего братца, который доставляет ей сплошные неприятности. Любит.

Но не насиловать же её! Я не насильник! И спугнуть не хочу. Она должна привыкнуть. Должна верить мне.

— Ну, хорошо, Полина, — выдыхаю я, складывая брови домиком, — давай я провожу тебя в твою комнату. Тебе надо отдохнуть. Мне тоже. Пойдём, — и протягиваю ей руку.

Смотрит на неё, но своей не подаёт. Так и стоит, обняв себя.

Я хмыкаю и засовываю руку в карман брюк. Иду к лестнице. Слышу её тихие шаги за спиной.

Поднимаемся и я открываю дверь в гостевую комнату. Смотрю на Полину, приглашая войти.

Несмело заходит, осматривается.

— Это твоя спальня, — говорю я, закрывая дверь и подходя к Полине. — Нравится? — наклоняюсь и шепчу почти в ушко.

Не без удовольствия замечаю, как по тонкой шейке пробегают волна милых мурашек. Вниз и скрывается под майкой. Ммм... а там что у нас.

Ничего не могу с собой поделать и пальцами подцепляю

край майки на спине девчонки и тяну её вверх. Касаюсь кончиками пальцев спины и прямо чувствую, как Полина вздрагивает и резко оборачивается ко мне лицом.

— Вы опять?! — смотрит возмущённо.

— Ничего не могу с собой поделать, — с улыбкой пожимаю плечами.

— Я, всё-таки, домой поеду, — заявляет она и даже делает шаг в сторону двери, но я же её предусмотрительно закрыл.

Полина берётся за ручку двери, но я впечатываю в неё ладонь, не давая открыться.

Быстрый взгляд мне в глаза.

— Полин, не бойся меня, — подхожу к ней так близко, что кажется, слышу стук её сердца. — Я не обижу тебя. И никому в обиду не дам. Я всё для тебя сделаю, — голос всё тише.

Кладу руку ей на плечо и мягко глажу.

— Я не понимаю, Богдан Романович... — шепчет она, вжимаясь спиной в дверь. — Что всё это значит? Не понимаю...

— Я хочу поцеловать тебя, — говорю прямо, раз она не понимает.

Опускаю взгляд на её губки. Нежные такие, розовые.

— Ты очень красивая, Полин, — наклоняюсь и кончиком носа вожу по её скуле. — Ну, к чему эти сложности? Что нам мешает удовольствие получить? Я ведь сделаю так, что тебе понравится...

— Богдан Романович, не надо, — шепчет она, а у самой взгляд поплыл.

В глазах туман, губы призывно приоткрыты и венка на шее стучит так, что предательски выдаёт свою хозяйку.

— Почему? — чуть наклоняю голову и прячу усмешку.

Пытаюсь убрать мои руки, но я лишь сильнее вжимаю пальцы в тонкую талию. Веду ладони ей на спину. Дрожит. В моих руках дрожит. Маленькая девочка. Конечно, надо, Полина. Ещё как надо. И мне, и тебе.

— Потому что это неправильно, — спорит она и отклоняется, когда я наклоняюсь ещё ближе. — Вы же обещали... мы не по-настоящему... я...

— Ну, Полин, всё меняется. К чему эти условности? Я хочу тебя, — выдыхаю, признаваясь, наконец, даже не ей, а самому себе. — Хочу...

Дёргаю её и вжимаю в себя, прижимаясь стояком к напряжённому животу.

Канарейкина вздрагивает и испуганно смотрит на меня. Как будто никогда мужскую эрекцию не чувствовала. Или просто приятно впечатлена размером? О да, малышка, тебе понравится.

Наклоняюсь и почти касаюсь её губ.

— Полин, ты красивая очень... хорошая такая... я хочу тебя... я же нравлюсь тебе?

Моргает.

— Тебе нужно расслабиться, девочка моя, — кончиком

носа вожу по её щеке. — Я помогу тебе... и с братом помогу... и расслабиться помогу... ну? Иди ко мне, не бойся.

И резко обхватываю её за затылок и впиваюсь в мягкие и такие нежные губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.